

К 1916 С

№ 5226

К 1916

263

К 1913

СТИХОТВОРЕНІЯ ПУШКИНА.

I.

К 1916 С

8 II 5226

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Первая Часть.

30205

Перепл.
1850

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1829
ген. Гос.
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

§ II 2330

СТІХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

Купити

20805

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Съ дозволенія Правительства.

1815.

К 1916 С 181

ЛИЦИНІЮ.

Лициній, зришь ли ты: на быспрой колесницѣ,
Вънчанный лаврами, въ блестящей багряницѣ,
Слѣсиво развалясь, Вешумій молодой
Въ толпу народную лепишь по мостовой?
Смошри, какъ всѣ предъ нимъ смиренно спину клоняшь;
Смошри, какъ ликпору народъ несчастный гоняшь!
Льстецовъ, сенаторовъ, прелеспницъ длинный рядъ
Умильно вслѣдъ за нимъ спремипшь усердный взглядъ;
Ждушъ, ловапшь съ трепешомъ улыбки, глазъ движенья,
Какъ будшо дивнаго боговъ благословенья;
И дѣши малыя и шарцы въ сѣдинахъ,
Всѣ ницъ предъ идоломъ безмолвно пали пь прахъ:

Для нихъ и слѣдъ колесъ, въ грязи напечатлѣнной,
 Есть нѣкій памятникъ почешный и священной.
 О Ромуловъ народъ, скажи, давно ль ты палъ?
 Кто васъ поработилъ и властью оковалъ?
 Квирипы гордые подъ иго преклонились.
 Кому жь, о небеса, кому поработились?
 (Скажу ль?) Вешулю! Опчизны стыдъ моей,
 Развратный юноша возсѣлъ въ совѣтъ мужей;
 Любимецъ деспота сенаторомъ слабымъ правишь,
 На Римъ просперъ яремъ, опечесство безславиль;
 Вешулій Римлянъ царь!... О стыдъ, о времена!
 Или вселенная на гибель предана?
 Но кто подъ поршикомъ, съ поникшею главою,
 Въ изорванномъ плащѣ, съ дорожною клюкою,
 Сквозь шумную толпу нахмуренный идешь?
 Куда ты нашъ мудрецъ, другъ истины, Дамешъ!
 Куда: не знаю самъ; давно молчу и вижу;
 Навѣкъ оспавлю Римъ: я рабство ненавижу.
 Лициній, добрый другъ! Не лучше ли и намъ,
 Смиренно поклонясь фортуны и мечшамъ,

Съдаго циника примѣромъ научишься?
 Съ развращнымъ городомъ не лучше ль намъ проспишься,
 Гдѣ все продажное: законы, правоша,
 И консуль и трибунъ, и честь и красота?
 Пускай Глицерія, красавица младая,
 Равно всѣмъ общая, какъ чаша круговая,
 Неопытность другихъ въ наемну ловишь съшь!
 Намъ стыдно слабости съ морщинами имѣшь;
 Тщеславной юности оставимъ блескъ веселій:
 Пускай безстыдный Клишъ, слуга вельможъ, Корнелій
 Торгуюшь подлостью и съ дерзостнымъ челомъ
 Опъ знашнихъ къ богачамъ ползушь изъ дома въ домъ!
 Я сердцемъ Римлянинъ; кишишь въ груди свобода;
 Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа.
 Лициній, поспѣшимъ далеко опъ забошь,
 Безумныхъ мудрецовъ, обманчивыхъ красощь!
 Зависливой судьбы въ душъ презрѣвъ удары,
 Въ деревню пренесемъ опеческіе лары!
 Въ прохладѣ древнихъ роць, на берегу морскомъ,
 Найши неспрудно намъ укромный, свѣпый домъ,

Гдѣ, больше не спрашась народнаго волненья,
Подъ спарось опдохнемъ въ глуши уединенья.
И шамъ, расположась въ уюпномъ уголкѣ,
При дубѣ пламенномъ, возженномъ въ комелькѣ,
Воспомнивъ шарину за дѣдовскимъ фіаломъ,
Свой духъ воспламеню жестокимъ Ювеналомъ,
Въ саширѣ праведной пороку изображу
И нравы сихъ вѣковъ попомспву обнажу.
О Римъ, о гордый край разврата, злодѣянья!
Придешъ ужасный день, день мщенья, наказанья.
Предвижу грознаго величія конецъ:
Падешъ, падешъ во прахъ вселенныя вѣнецъ.
Народы юные, сыны свирѣпой брани,
Съ мечами на себя подымушь мощныя длани,
И горы и моря оспавяшь за собой
И хлынушь на себя кипящею рѣкой.
Исчезнешъ Римъ; его покроешь мракъ глубокой;
И пушникъ, усшремивъ на груди камней око,
Воскликнешъ, въ мрачное раздумье углубленъ:
«Свободой Римъ возросъ, а рабшвомъ погубленъ.»

II.

ГРОБЪ АНАКРЕОНА.

Все въ таинственномъ молчаньи;
Холмъ одѣлся темношюй;
Ходишь въ облачномъ сяньи
Полумѣсяцъ молодой.
Вижу: лира надъ могилой
Дремлетъ въ сладкой тишинѣ;
Лишь порою звонъ унылой,
Будто лѣни голосъ милой,
Въ мертвой слышится струнѣ.
Вижу: горлица на лирѣ,
Въ розахъ кубокъ и вѣнецъ...
Други, здѣсь почишь въ мирѣ
Сладостраснiя мудрецъ.

Посмотрите: на порфирѣ
Оживиль его рѣзецъ!
Здѣсь онъ въ зеркало глядишься,
Говоря: я съдѣ и спарь,
Жизнью дайше жъ насладишься;
Жизнь, увы, невѣчный даръ!
Здѣсь, поднявъ на лиру длани
И нахмуря важно бровь,
Хочешъ лѣтъ онъ бога брани,
Но поешъ одну любовь.
Здѣсь гоповишь природѣ
Долгъ послѣдній заплашишь:
Спарецъ пляшешъ въ хороводѣ,
Жажду просишь уполишь.
Вкругъ любовника съдаго
Дѣвы скачущъ и поющъ;
Онъ у времени скупаго
Крадешъ нѣсколько минушь.
Вошь и музы и харипы
Въ гробъ любимца увели:

Плющемъ, розами увишы
Игры вслѣдъ за нимъ пошли...
Онъ исчезъ, какъ наслажденье,
Какъ веселый сонъ любви.
Смертный, вѣкъ твой привидѣнье:
Счастье рѣзвое лови;
Наслаждайся, наслаждайся;
Чаще кубокъ наливай;
Спрасъю пылкой ушомляйся,
И за чашей отдыхай!

Углы

1816.

К 1916 С 176

I.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Мечпы, мечпы,

Гдѣ ваша сладость?

Гдѣ шы, гдѣ шы,

Ночная радость?

Исчезнулъ онъ,

Веселый сонъ,

И одинокой

Во пмѣ глубокой

Я пробуждѣнь.

Кругомъ поспели

Нѣмая ночь.

2

30205

Вмигъ охладѣли,

Вмигъ улешѣли

Толпою прочь

Любви мечпанья.

Еще полна

Душа желанья

И ловишь сна

Воспоминанья.

Любовь, любовь,

Внемли моленья :

Пошли мнѣ вновь

Свои видѣнья,

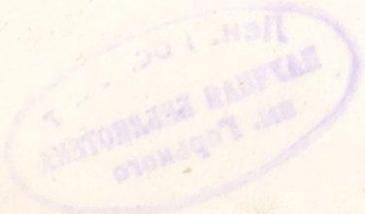
И пошпру,

Вновь упоенный,

Пускай умру

Непробужденный.

20802

II.

ДРУЗЬЯМЪ.

Богами вамъ еще даны
Злашые дни, злашья ночи,
И шомныхъ дѣвъ усшремлены
На васъ внимашельныя очи.
Играйте, пойше, о друзья!
Ушрашьте вечеръ скорощечной:
И вашей радости безпечной
Сквозь слезы улыбнуся я.

III.

ПѢВЕЦЪ.

Слыхали ль вы за рощей гласъ ночной
 Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
 Когда поля въ часъ утренній молчали,
 Свирѣли звукъ унылый и проспой
 Слыхали ль вы?

Встрѣчали ль вы въ пущынной пѣмѣ лѣсной
 Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
 Слѣды ли слезъ, улыбку ль замѣчали,
 Иль шихій взоръ, исполненный поской,
 Встрѣчали вы?

Вздохнули ль вы, внимая тихой глась

Пѣвца любви, пѣвца своей печали?

Когда въ лѣсахъ вы юношу видали;

Встрѣчая взоръ его попухшихъ глазъ,

Вздохнули ль вы?

IV.

АМУРЬ И ГИМЕНЕЙ

Сегодня, добрые мужья,
Повеселю вась новой сказкой.
Знавали ль вы, мои друзья,
Сльпаго мальчика съ повязкой?
Сльпаго?... Вошь? Помилуй, Фебъ!
Амуръ совсѣмъ, друзья, не сльпъ:
Но шалуну пришла жь охота,
Чшобъ, людямъ на смѣхъ и на зло,
Его безуміе вело.
Безуміе ведешь Эроша:
Но вдругъ, не знаю почему,
Оно наскучило ему.

Взялся за новую зашью :
 Повязку съ милыхъ снявъ очей,
 Идешь проказникъ къ Гименею...
 А что такое Гименей?
 Онъ сынъ Вулкана молчаливый,
 Холодный, дряхлый и лѣнивый,
 Ворчишь и дремлешь цѣлый вѣкъ,
 А впрочемъ добрый человекъ,
 Да нравъ имѣешь онъ ревнивый.
 Опъ ревности печальный богъ
 Спокойно подремать не могъ;
 Все прусиль маленькаго брата,
 За нимъ подсматривалъ шайкомъ,
 И караулил супоспапа
 Съ своимъ докучнымъ фонаремъ.
 Вошь мальчикъ мой къ нему подходишь
 И рѣчь коварную заводишь :
 « Развеселися, Гименей!
 « Ну, помиримся, будь умнѣй!
 « Забудь, шоварищъ мой любезный,

« Раздоръ смѣшный и безполезный!
 « Да шолько навсегда, смолри!
 « Возми жь повязку въ память, милый,
 « А мнѣ фонарь свой подари!»
 И что жь? Повѣрилъ богъ унылый.
 Амуръ ошь радости прыгнуль,
 И на глаза со всей онь силы
 Обнову брашу зашянуль.
 Гимена скучные дозоры
 Съ шѣхъ поръ пресѣклись по ночамъ;
 Его зависливые взоры
 Теперь не спрашны красошамъ;
 Спокоенъ онь, но брашъ коварный,
 Шуша надъ чешью и надъ нимъ,
 Войну ведешъ неблагодарный
 Съ своимъ союзникомъ слѣпымъ.
 Лишь сонъ на смершныхъ налешашъ,
 Амуръ въ молчаніи ночномъ
 Фонарь любовнику вручашешъ,
 И самъ счастливца провожашешъ,

Къ уснувшему супругу въ домъ ;

Самъ опъ безпечнаго Гимена

Онъ охраняешь шайну дверь...

Пойми меня, мой другъ Елена,

И мудрой повѣспи повѣрь!

V.

Ш * * * В У.

Шалунъ, увѣнчанный Эрапой и Венерой,
 Ты ль узника манишь въ владѣнія свои,
 Въ помѣстьѣ мирное межъ Пиндомъ и Циперой,
 Гдѣ нѣжился Тибулъ, Мѣлецкій и Парни?
 Тебѣ, балованный пипомецъ Аполлона,
 Съ ихъ лирой соглашашъ игривую свирѣль:
 Веселье рѣзвое и нимфы Геликона
 Твою счастливую качали колыбель.

Друзей любишь открышою душою,
 Въ молчаньи чувствовашъ, плѣняшся красою:
 Вошь жребій мой; ему я слѣдовашъ гошовъ,

Но, милый, сжался надо мною,

Не шребуй ошь меня стиховъ!

Невѣчно нѣжишься въ пріятномъ ослѣпленьи:
 Докучной истины я поздній вижу свѣшь.

По добротѣ души я вѣрилъ въ упоены
 Мечтѣ шепнувшей: шы поэшь,
 И, презря мудрые угрозы и совѣшы,
 Съ небрежной лѣнностью нанизывалъ куплеты,
 Игрушкою себя невинной веселилъ;
 Угодникъ Бахуса, я презвѣй межъ друзьями,
 Бывало, пѣлъ вино водяными сшихами;
 Мечшательныхъ Доридъ и славилъ и бранилъ,
 Иль дружбѣ плелъ вѣнокъ: и дружество зѣвало
 И сонные сшихи въ просонкахъ величало.
 Но долго ли меня лелѣлъ Аполлонъ?
 Душѣ накутили Парнаскія забавы;
 Не долго снились мнѣ мечшанья музъ и славы:
 И, спрогимъ опышомъ невольню пробуждѣнь,
 Уснувъ межъ розами, на шерпахъ я проснулся,
 Увидѣлъ, что еще не генія печашь
 Охоша смершная на рифмахъ лепешашь,
 Сравнивъ сшихи швои съ моими, улыбнулся:
 И полно мнѣ пишашь.

1817.

181
1917

I.

ТОРЖЕСТВО ВАКХА.

Откуда чудный шумъ, неисповые клики?

Кого, куда зовушь и бубны и пимпань?

Что значашь радостные лики

И пѣсни поселянь?

Въ ихъ кругъ свѣшлая свобода

Пріяла праздничный вѣнокъ.

Но двинулись толпы народа...

Онъ приближается... Вошь онъ, вошь сильный богъ!

Вошь Бахусъ мирный, вѣчно юный!

Вошь онъ, вошь Индіи герой!

О радость! Полныя тобой

Дрожащъ, готовы грянуть струны

Нелицемерною хвалою.

Эванъ, эвое! Дайте чаши,
 Несите свѣжіе вѣнцы!
 Невольники, гдѣ пирсы наши?
 Бѣжимъ на мирный бой, опважные бойцы!
 Вошь онъ, вошь Вакхъ! О часъ опрадный!
 Державный пирсъ въ его рукахъ;
 Вѣнецъ желшѣешь виноградный
 Въ чернокудрявыхъ волосахъ...
 Течешь. Его молодые шигры
 Съ покорной яростью влекушь;
 Кругомъ лешаешь эрошы, игры,
 И гимны въ чесшь ему поюшь.
 За нимъ шѣснился козлоногій
 И фавновъ и сашировъ рой;
 Плющемъ опуханы ихъ роги;
 Бѣгушь смяшенною полной
 Вослѣдъ за быспрой колесницей:
 Кшо съ проспниковою цѣвницей,
 Кшо съ вѣрной кружкой своей;
 Тотъ оступившись упадаешь

И бархатный коверъ полей
 Виномъ багровымъ обливаешь
 При дикомъ хохотѣ друзей.
 Тамъ даль вижу дивный ходъ:
 Звучащъ веселые шимпаны;
 Младья нимфы и сильваны,
 Сославя шумный хороводъ,
 Несушь недвижнаго Силена...
 Вино струишся, брызжешь пѣна,
 И розы сыплюшся кругомъ;
 Несушь за спящимъ шарикомъ
 И ширсъ, символъ побѣды мирной,
 И кубокъ пѣяно-золотой,
 Вѣнчанный крышкою сапфирной,
 Подарокъ Вакха дорогой.

Но воешь берегъ опшдаменный.
 Власы раскинувъ по плечамъ,
 Вѣнчанны гроздемъ, обнажены,
 Бѣгушь Вакханки по горамъ.

Тимпаны звонкіе, кружась межъ ихъ перстами,
Гремятъ и впорятъ ихъ ужаснымъ голосамъ.
Промчались, лешащъ, свивающся руками,

Волшебной пляской попочушь лугъ :

И младость пылкая полнами

Спекаешся вокругъ.

Поюшь неистовыя дѣвы ;

Ихъ сладоспращные напѣвы

Въ сердца вливающъ жаръ любви ;

Ихъ перси дышащъ вождельнѣемъ ;

Ихъ очи, полныя безумствомъ и помнѣемъ ,

Сказали : счастье лови !

Ихъ вдохновенныя движенья

Сперва изображающъ намъ

Спыдливосць милаго смяшенья ,

Желанье робкое, а шамъ

Воспоргъ и дерзосць наслажденья.

Но вошь разсыпались по холмамъ и полямъ ;

Махая ширсами несущся ;

Ужь издали ихъ вопли раздаюшся,

И гуль имъ вшорипш по лѣсамъ:

Эвань, эвое! Дайте чаши!

Несите свѣжіе вѣнцы!

Невольники, гдѣ ширсы наши?

Бѣжимъ на мирный бой, опважные бойцы!

Друзья, въ сей день благословенной

Забвенью бросимъ суешы!

Теки, вино, спруею пѣнной

Въ честь Вакха, музы и красомы!

Эвань, эвое! Дайте чаши!

Несите свѣжіе вѣнцы!

Невольники, гдѣ ширсы наши?

Бѣжимъ на мирный бой, опважные бойцы!

II.

РАЗЛУКА.

Въ послѣдній разъ, въ сѣни уединенья,
Моимъ спихамъ внимаешь нашъ пеняшь.

Лицейской жизни милый брашь,
Дѣлю съ тобой послѣднія мгновенья.

Прошли лѣта соединенья;
Разорванъ онъ, нашъ вѣрный кругъ.

Проспи! Хранимый небомъ,
Не разлучайся, другъ,
Съ свободою и Фебомъ!

Узнай любовь, невѣдомую мнѣ,
Любовь надеждъ, воспорговъ, упоенья:
И дни швои полешомъ сновидѣнья
Да пролешаешь въ счастливой пишинѣ!

Проси! Гдѣ бѣ ни былъ я: въ огнѣ ли смертной битвы,
При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья,
Святому брашпву вѣренъ я.

И пусть (услышишь ли судьба мои молишвы?),
Пусть будутъ счастливы всѣ, всѣ швои друзья!

III.

П * * * Н У.

Что восхищительнѣй, живѣй
 Войны, сраженій и пожаровъ,
 Кровавыхъ и пусыхъ полей,
 Бивака, рыцарскихъ ударовъ?
 И что завиднѣй крапкихъ дней
 Не слишкомъ мудрыхъ усачей,
 Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ?
 Они живутъ въ своихъ шапрахъ,
 Вдали забавъ и нѣгъ и грацій,
 Какъ жилъ безсмертный шрусъ Горацій
 Въ Тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;

Не знаюшь свѣша принужденья,
Не вѣдаюшь, что скука, страхъ;
Даюшь обѣды и сраженья,
Поюшь и рубяшся въ бояхъ.
Счасливь, кто миль и спрашенъ міру;
О комъ за пѣсни, за дѣла
Гремить правдивая хвала;
Кто славиль Марса и Темиру
И бранную повѣсилъ лиру
Межъ вѣрной сабли и сѣдла!

IV.

ДЕЛВИГУ.

Любовью, дружествомъ и лънью
Укрышый ошь заботъ и бѣдъ,
Живи подь ихъ надежной сѣнью;
Въ уединеніи шы счастливь : шы поэшь.
Напернику боговъ не страшны бури злыя :
Надъ нимъ ихъ промысль высокій и свяшой ;
Его баюкають камены молодья
И съ першомъ на успахъ храняшь его покой.
О милый другъ, и мнѣ богини цѣсношья
Еще въ младенческую грудь
Вліяли искру вдохновенья
И шайный указали пущь :
Я мирныхъ звуковъ наслажденья

Младенцемъ чувствовашъ умѣль,
И лира спала мой удѣль.
Но гдѣ же вы, минушы упоенья,
Неизьяснимый сердца жарь,
Одушевленный шрудъ и слезы вдохновенья!
Какъ дымъ исчезъ мой легкій даръ.
Какъ рано зависши привлекъ я взоръ кровавой
И злобной клеветы невидимый кинжалъ!
Нѣшъ, нѣшъ, ни счастьемъ, ни славой,
Ни гордой жаждою похвалъ
Не буду увлечень! Въ бездѣйствіи счастливымъ,
Забуду милыхъ музъ, мучительницъ моихъ;
Но, можешъ бышь, вздохну въ восторгъ молчаливомъ,
Внимая звуку струнь своихъ.

72010

1818.

7161

3181

I.

МЕЧТАТЕЛЮ.

Ты въ спраси гореспной находишь наслажденье;
Тебѣ пріятно слезы лишь,
Напраснымъ пламенемъ помилъ воображенье
И въ сердцѣ шихое уныніе шайшь:
Повѣрь, не любишь ты, неопышный мечшатель.
О если бы себя, унымыхъ чувствъ искашель,
Поспигло спрашное безуміе любви;
Когда бы весь ядъ ея кипѣлъ въ швоей крови;
Когда бы въ долгіе часы безсонной ночи,
На ложѣ медленно шерзаемый шоской,
Ты звалъ обманчивый покой,
Вошце смыкая скорбны очи,

Покровы жаркіе рыдая обнімалъ

И сохнулъ въ бѣшенствѣ безплоднаго желанья :

Повѣрь, погда бѣ шы не пишаль

Неблагодарнаго мечпанья.

Нѣшь, нѣшь : въ слезахъ упавъ къ ногамъ

Своей любовницы надменной,

Дрожащій, блѣдный, испушенной,

Тогда бѣ воскликнулъ шы къ богамъ :

Опдайше, боги, мнѣ разсудокъ омраченный,

Возмише опъ меня сей образъ роковой;

Довольно я любилъ; опдайше мнѣ покой...

Но мрачная любовь и образъ незабвенный

Оспались вѣчно бы съ шобой.

II.

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ.

Тебя ль я видѣлъ, милый другъ?

Или невѣрное шо было сновидѣнье,

Мечшанье смущное, и пламенный недугъ

Обманомъ волноваль мое воображенье?

Въ минушы мрачныя болѣзни роковой,

Ты ль, дѣва нѣжная, спояла надо мной

Въ одеждѣ воина съ неловкостью пріятной?

Такъ, видѣлъ я себя; мой шускый взоръ узналъ

Знакомыя красы подь сей одеждой рашной:

И слабымъ шопопомъ подругу я назваль...

Но вновь въ умѣ моемъ спѣснились мрачны грезы:

Я слабою рукой искалъ себя во мглѣ...

И вдругъ я чувствую швое дыханье, слезы

И влажный поцѣлуй на пламенномъ челѣ...

Безсмертные, съ какимъ волненьемъ
Желанья, жизни огонь по сердцу пробѣжалъ!

Я закипѣлъ, задрепешалъ:

И скрылась ты прелестнымъ привидѣнемъ.
Жестокій другъ, меня помишь ты упоеньемъ:

Приди, меня мершвишь любовь!

Въ молчаньи благосклонной ночи

Явись, волшебница: пускай увижу вновь

Подъ грознымъ киверомъ твои небесны очи,

И плащъ, и поясъ боевой,

И бранной обувью украшенныя ноги...

Не медли, поспѣшай, прелестный воинъ мой,

Приди, я жду тебя: здоровья даръ благой

Мнѣ снова низпослали боги,

А съ нимъ и сладкія тревоги

Любви таинственной и шалости молодой.

III.

ПРЕЛЕСТНИЦЪ.

Къ чему нескромнымъ симъ уборомъ,
Умилнымъ голосомъ и взоромъ
Младое сердце распалашь
И шихимъ, сладоспнымъ укоромъ
Къ побѣдъ легкой вызывашь?
Къ чему обманчивая нѣжность,
Спыдливоспи припворный видъ,
Движеній помная небрежность
И шрепешъ ушь и жаръ ланишь?
Напрасны хипшря спаранья:
Въ порочномъ сердцѣ жизни нѣшь...
Невольный хладъ негодованья
Тебѣ мой роковой опвѣшь.

Твоею прелестью надменной
Кто не владѣль во шмѣ ночной?
Скажи: у двери оцѣненной
Твоей обитали презрѣнной
Кто смѣлой не спучаль рукой?
Нѣшь, нѣшь, другому свой завялый
Неси, прелестница, вѣнокъ;
Ласкай неопышный порокъ,
Въ швоихъ обьяшяхъ успалый;
Но гордый замысль забудь:
Не привлечешь шпомца музы
Ты на предашельскую грудь.
Неси другимъ наемны узы,
Своей любви постыдный шоргъ,
Корышти хладныя лобзанья
И принужденныя желанья
И злапомъ купленный воспоргъ!

IV.

ЖУКОВСКОМУ.

Когда, къ мечшательному міру
Спрямясь возвышенной душой,
Ты держишь на колынахъ лиру
Неперпѣливою рукой;
Когда смѣняюшся видѣнья
Передъ тобой въ волшебной мглѣ,
И быспрый холодъ вдохновенья
Власы подъемлешь на челѣ:
Ты правъ, шворишь ты для немногихъ,
Не для зависпливыхъ судей,
Не для сбирателей убогихъ
Чужихъ сужденій и вѣспей,
Но для друзей шаманша спрогихъ,

**

Священной истины друзей.
Не всякаго полюбишь счастье,
Не все родились для вѣнцовъ.
Блаженъ, кто знаетъ сладострастье
Высокихъ мыслей и стиховъ,
Кто наслаждение прекраснымъ
Въ прекрасный получилъ удѣлъ
И свой восторгъ уразумѣлъ
Восторгомъ пламеннымъ и яснымъ!

1819.

181

7191

I.

Увы, зачѣмъ она блискаетъ
Минушной, нѣжной красотою?
Она примѣшно увядаетъ
Во цвѣтѣ юности живой...
Увянетъ! Жизнью молодою
Недолго наслаждаешь ей;
Недолго радоваешь собою
Щасливый кругъ семьи своей,
Безпечной, милой оспрошою
Бесѣды наши оживляешь,
И тихой, ясною душою
Спрадальца душу услаждаешь.
Спѣшу, въ волненьи думъ тяжельхъ,

Сокрывъ уныніе мое,
Наслушашься рѣчей веселыхъ
И наглядѣшься на нее.
Смотрю на всѣ ея движенья,
Внимаю каждый звукъ рѣчей,
И мигъ единый разлученья
Ужасень для души моей.

II.

РУСАЛКА.

Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ,
 Спасался нѣкогда монахъ,
 Всегда въ занятіяхъ суровыхъ,
 Въ постѣ, моливѣ и трудахъ.
 Уже лопашкою смиренной
 Себѣ могилу спарець рыль,
 И лишь о смерти вождельной
 Свяшыхъ угодниковъ молилъ.

Однажды льшомъ у порогу
Поникшей хижины своей
Анахорешъ молился Богу.
Дубравы дѣлались чернѣй;
Туманъ надъ озеромъ дымился,
И красный мѣсяцъ въ облакахъ
Тихонько по небу кашился.
На воды спалъ глядѣшь монахъ.

Глядишь, невольно спреха полный;
Не можешь самъ себя поняшь...
И видишь: закипѣли волны,
И присмирѣли вдругъ опять...
И вдругъ....легка, какъ шѣнь ночная,
Бѣла, какъ ранній снѣгъ холмовъ,
Выходишь женщина нагая,
И молча сѣла у береговъ.

Глядишь на спараго монаха

И чешешь влажные власы.

Свяшой монахъ дрожишь со сграха

И смотришь на ея красы.

Она манишь его рукою,

Киваешь быспро головой...

И вдругъ падучею звѣздою

Подъ сонной скрывается волной.

Всю ночь не спалъ спарикъ угрюмой

И не молился цѣлый день :

Передъ собой съ невольной думой

Все видѣлъ чудной дѣвы шѣнь.

Дубравы вновь одѣлись шмою;

Пошла по облакамъ луна,

И снова дѣва надъ водою

Сидишь, прелесшна и блѣдна.

Глядишь, киваешь головою,
 Цѣлуешь издали шупя,
 Играешь, плещешься волною,
 Хохочешь, плачешь, какъ дитя,
 Зовешь монаха, нѣжно стонешь...
 «Монахъ, монахъ! Ко мнѣ, ко мнѣ!...»
 И вдругъ въ волнахъ прозрачныхъ шонешь:
 И все въ глубокой тишинѣ.

На прешій день опшельникъ спрашной
 Близъ очарованныхъ береговъ
 Сидѣль и дѣвы ждалъ прекрасной,
 А шѣнь ложилась средь дубровъ...
 Заря прогнала шму ночную:
 Монаха не нашли нигдѣ,
 И только бороду сѣдую
 Мальчишки видѣли въ водѣ.

III.

СТАНСЫ Т***МУ.

Философъ ранній, ты бѣжишь
 Пировъ и наслажденій жизни,
 На игры младости глядишь
 Съ молчаньемъ хладнымъ укоризны.

Ты милья забавы свѣша
 На грусть и скуку промѣняль,
 И на лампаду Эпиктета
 Злапый Гораціевъ фіаль.

Повѣрь, мой другъ, она придѣтъ,
Пора унылыхъ сожалѣній,
Холодной истины забошъ
И бесполезныхъ размышленій.

Зевесь, балуя смершныхъ чадь,
Всѣмъ возрастамъ даешь игрушки:
Надъ сѣдинами не гремяшь
Безумства рѣзвыя гремушки.

Ахъ, младость не приходишь вновь!
Зови же сладкое бездѣлье
И легкокрылую любовь
И легкокрылое похмѣлье!

До капли наслаждение пей,
Живи безпечень, равнодушень!
Мгновенью жизни будь послушень,
Будь молодь въ юноши швоей!

IV.

УЕДИНЕНІЕ.

Привѣщствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріюшь спокойствія, шрудовъ и вдохновенья,
Гдѣ льешься дней моихъ невидимый пошокъ

На лонѣ счастья и забвенья!

Я твой: я промѣнялъ порочный дворъ цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шумъ дубровъ, на шишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.

Я твой: люблю сей темный садъ

Съ его прохладой и цвѣтами,

Сей лугъ, уславленный душистыми скирдами,
Гдѣ свѣшлые ручьи въ кустарникахъ шумяшь.

Вездѣ передо мной подвижныя картины:

Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,

Гдѣ парусъ рыбака бѣлѣеть иногда,

За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,

Вдали разсыпанныя хапы,

На влажныхъ берегахъ бродящія спады,

Овины дымныя и мѣльницы крылаты;

Вездѣ слѣды довольства и труда.

Я здѣсь, ошь суешныхъ оковъ освобожденной,

Учуся въ истинѣ блаженство находить,

Свободною душой законъ богошворишь,

Ропшанью не внимаешь шолпы непросвѣщенной,

Участьемъ отвѣчаешь за спѣнчивой мольбѣ

И не завидовать судьбѣ

Злодѣя, иль глупца въ величїи неправомъ.

Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ!

Въ уединенїи величаю

Слышите вашъ оспрадный гласъ;

Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,

Къ трудамъ раждаетъ жаръ во мнѣ,

И ваши творческія думы

Въ душевной зрѣюшь глубинѣ.

.....
.....
.....
.....

Служба

V.

Д О М О В О М У .

Помѣстья мирнаго незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лѣсъ и дикій садикъ мой
И скромную семью моей обитель!
Да не вредяшь полямъ опасный хладъ дождей
И въпра позняго осенніе набѣги;
Да въ пору благшворны снѣги
Покроюшь влажный шукъ полей!
Останься шайный спражь въ наслѣдшвенной сѣни,
Поспигни робостью полуночнаго вора
И опть недружескаго взора
Счастливыи домикъ охрани!

**

Ходи вокруг него забопливымъ дозоромъ,
Люби мой малый садъ и берегъ сонныхъ водъ
И сей укромный огородъ
Съ калишкой вешною, съ обрушеннымъ заборомъ!
Люби зеленый скашь холмовъ,
Луга, измятые моей бродящей льною,
Прохладу липъ и кленовъ шумный кровъ:
Они знакомы вдохновенью.

VI.

В***МУ.

Проспи, счастливый сынъ пировъ,
Балованный дитя свободы,
Любимецъ музъ, поклонникъ моды
И Терпсихоры и спиховъ!
Ты въ жизни любишь перемѣну:
Ты скачешь въ мирную Москву,
Гдѣ сладко дремлюшь наяву
И наслажденьямъ знаешь цѣну.
Разнообразной и живой
Москва пѣняешь пестрошой,
Сшаринной роскошью, пирами,
Невѣсшами, колоколами,
Забавной, легкой суешой,
Невинной прозой и спихами.

Ты шамъ на шумныхъ вечерахъ
Увидишь важное бездѣлье,
Жеманство въ понкихъ кружевахъ,
И глупость въ золотыхъ очкахъ,
И паяжкой знаменности веселье,
И скуку съ картами въ рукахъ.
Всего минувный наблюдатель,
Ты посмѣешься подь рукой;
Но векоръ, вѣрный обожатель
Забавъ и лѣни золотой,
Держась моего совѣта
И волю всей душой любя,
Оставишь кругъ большаго свѣта
И жизнь рѣшишься для себя.
Уже въ приютѣ опдаленномъ
Я вижу мысленно тебя:
Кипишь въ бокаль опѣненномъ
Аи холодная струя;
Въ густомъ дыму лѣнивыхъ прубокъ,
Въ халашахъ, новые друзья

Шумяшь и пьюшь; задорный кубокъ
Обходишь ихъ безумный кругъ,
И мчишься въ радостяхъ досугъ;
А шамъ Египетскія дѣвы
Лешаюшь, вьющая предъ шобой;
Я слышу звонкіе напѣвы,
Спонь нѣги, вопли, дикій вой;
Ихъ изсупленные движенья,
Огонь неистовыхъ очей
И все, мой другъ, въ душѣ твоей
Раждаешь прелесть упоенья....
Но вспомни, милый: здѣсь одна,
Тебя всечасно ожидая,
Вздыхаешь плѣнница младая;
Весь день уныла и шомна,
Въ своей задумчивости сладкой
Тихонько плачешь подъ окномъ
Опъ грозныхъ аргусовъ украдкой,
И смотришь на пустынный домъ,
Гдѣ мы шакъ часто пировали

Съ Кипридой, Вакхомъ и шобой,
Куда съ надеждой и шоской
Ея желанья улепали.
О, скоро ль милаго найдушъ
Ея пошупленные взоры,
И предъ любовью упадушъ
Замковъ ревнивые зашворы?
А нашъ осирошѣлый кругъ,
Товарищъ, скоро ль оживишя?
Когда прискачешъ, милый другъ?
Душа вослѣдъ шебѣ спремшя.
Гдѣ бь ни былъ ты, возми вѣнокъ
Изъ рукъ младаго сладоспращья,
И докажи, что ты знашокъ
Въ невѣдомой наукѣ счастья.

VII.

КРИВЦОВУ.

Не пугай насъ, мимый другъ,
Гроба близкимъ новосельемъ:
Право, намъ такимъ бездѣльемъ
Занимашся недосугъ.
Пусть оспылой жизни чашу
Тянешь медленно другой;
Мы жь ушрашимъ юность нашу
Вмѣстѣ съ жизнью дорогой;
Каждый у своей гробницы,
Мы присядемъ на порогъ,
У Пафоскія царицы
Свѣжій выпросимъ вѣнокъ,

Лишній мигъ у вѣрной лѣни,
Круговой пальемъ сосудъ,
И полною наши пѣни
Къ тихой Лешѣ убѣгушь;
Смершнй мигъ нашъ будешь свѣпель:
И подруги шалуновъ
Соберушь ихъ легкій пепель
Въ урны праздна пировъ.

VIII.

N. N.

Я ускользнул ошь Эскулапа
 Худый, обрипый, но живой:
 Его мучительная лапа
 Не шягошьеть надо мной.
 Здоровье, легкій другъ Пріана,
 И сонъ, и сладоспный покой,
 Какъ прежде, посъшили снова
 Мой уголь шѣсный и просшой.
 Ушѣшь и пы полубольнаго!
 Онъ жаждешъ видѣшься съ побой,
 Съ побой, счаспливый беззаконникъ,
 Льнивый Пинда гражданинь,
 Пировъ и нѣги вѣрный сынъ,

Венеры въпренный поклонникъ
И наслажденій властелинъ!
Ошь суешы сполицы праздноу,
Ошь хладныхъ прелестей Невы,
Ошь вредной сплешницы молвы,
Ошь скуки, споль разнообразноу,
Меня зовушь холмы, луга,
Тѣниспы клены огорода,
Пусынной рѣчки берега
И деревенская свобода.

.
.

IX.

НЕДОКОНЧАННАЯ КАРТИНА.

Чья мысль воспоргомь угадала,
Постигла шайну красоты?
Чья кисть, о небо, означала
Сии небесныя чершы?

Ты, геній!... Но любви спраданыя
Его сразили. Взоръ нѣмой
Впериль онъ на свое созданье
И гаснешь пламенной душой.

X.

ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Художникъ - варваръ кистью сонной
Картину генія чернишь
И свой рисунокъ беззаконной
Надъ ней безсмысленно черпишь.

Но краски чуждыя, съ лѣшами,
Спадають вешхой чешуёй;
Созданье генія предъ нами
Выходишь съ прежней краской.

Такъ исчезающъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникающъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней.

СЛОВА

Там невольно забываешь
С какой силой души жажда,
И познание в ней видится
Короче жизни, вечнее души.

1916

1820.

1820
1791

I.

Погасло дневное свѣшило ;
 На море синее вечерній паль шумань.
 Шуми, шуми, послушное въприло,
 Волнуйся подо мной, угрюмый океань.
 Я вижу берегъ опдаленный,
 Земли полуденной волшебные края :
 Съ волненьемъ и тоской шуда спремлюся я,
 Воспоминаньемъ упоенный...
 И чувствую : въ очахъ родились слезы вновь ;
 Душа кипить и замираеть ;
 Мечта знакомая вокругъ меня лешаетъ ;
 Я вспомнилъ прежнихъ лѣтъ безумную любовь,

И все, чѣмъ я спрадаль, и все, что сердцу мило,
Желаній и надеждъ помипельный обманъ...

Шуми, шуми, послушное въприло,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ.
Лети, корабль, неси меня къ предѣламъ дальнымъ
По грозной прихопи обманчивыхъ морей,
Но шолько не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей,
Спраны, гдѣ пламенемъ спраспей
Впервые чувства разгарались,
Гдѣ музы ивжныя мнѣ тайно улыбались,
Гдѣ рано въ буряхъ опщвѣла
Моя потерянная младосшь,
Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость
И сердце хладное спраданью предала.
Искашель новыхъ впечатлѣній,
Я васъ бѣжалъ, ошечески края;
Я васъ бѣжалъ, пипомцы наслажденій,
Минушной младоспи минушныя друзья;
И вы, наперсницы порочныхъ заблужденій,

Копорымъ безъ любви я жерпвоваль собой,
Покоемъ, славою, свободой и душой,
И вы забышы мной, измѣнницы младыя,
Подруги шайныя моей весны злапья,
И вы забышы мной... Но прежнихъ сердца рань,
Глубокихъ рань любви, ничшо не излѣчило...

Шуми, шуми, послушное въприло,
Волнуйся подо мной, угрюмый океань...

II.

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ.

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу перзаешь печаль.

Когда легковѣрень и молодъ я былъ,
Младую Гречанку я спрасшно любилъ.

Прелестная дѣва ласкала меня;
Но скоро я дожилъ до чернаго дня.

Однажды я созвалъ веселыхъ гостей:
Ко мнѣ посучался презрѣнный Еврей.

Съ побою пируюшь (шепнуль онь) друзья;
Тебѣ жь измѣнила Гречанка швоя.

Я даль ему злаша и прокляль его,
И вѣрнаго позоваль раба моего.

Мы вышли: я мчался на быспромъ конѣ;
И крошкая жалосшь молчала во мнѣ.

Едва я завидѣль Гречанки порогъ;
Глаза пошемнѣли, я весь изнемогъ....

Въ покой ошдаленный вхожу я одинъ...
Невѣрную дѣву лобзаль Армянинъ.

Не взвидѣль я свѣша: булатъ загремѣль...
Прервать поцѣлуя злодѣй не успѣль.

Безглавое шѣло я долго шопшаль,
И молча на дѣву, блѣднѣя, взираль.

Я помню моленья, пекущую кровь....
Погибла Гречанка, погибла любовь.

Съ главы ея мершвой снявъ черную шаль,
Оперь я безмолвно кровавую спаль.

Мой рабъ, какъ настала вечерняя мгла,
Въ Дунайскія волны ихъ бросиль шѣла.

Съ шѣхъ поръ не цалую прелесныхъ очей,
Съ шѣхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей.

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу шерзаешь печаль.

III.

ФОНТАНУ

БАХЧИСАРАЙСКАГО ДВОРЦА.

Фоншанъ любви, фоншанъ живой!
Принесъ я въ даръ тебѣ двѣ розы.
Люблю немолчный говоръ твой
И поэтическія слёзы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропишь росой холодной:
Ахъ, лейся, лейся, ключъ оспрадной!
Журчи, журчи свою мнѣ быль...

Фоншанъ любви, фоншанъ печальной!

И я швой мраморъ вопрошаль:

Хвалу спранѣ прочель я дальной;

Но о Маріи ты молчалъ...

Свѣшило блѣдное гарема!

И здѣсь уже ль забвенно ты?

Или Марія и Зарема

Однѣ счастливыя мечты?

Иль только сонъ воображенья

Въ пустынной мглѣ нарисоваль

Свои минушныя видѣнья,

Души неясный идеаль?

IV.

В И Н О Г Р А Д Ъ.

Не спану я жалѣшь о розахъ,
Увядшихъ съ легкою весной;
Мнѣ миль и виноградъ на лозахъ,
Въ кишяхъ созрѣвшій подъ горой,
Краса моей долины злачной,
Опрада осени злапой,
Продолговашый и прозрачной,
Какъ персты дѣвы молодой.

V.

О дѣва-роза, я въ оковахъ;
Но не спыжусь швоихъ оковъ:
Такъ соловей въ кустахъ лавровыхъ,
Пернашый царь лѣсныхъ пѣвцовъ,
Близъ розы гордой и прекрасной
Въ неволѣ сладоспной живешъ
И нѣжно пѣсни ей поешъ
Во мракѣ ночи сладоспраспной.

VI.

Д О Р И Д Ъ.

Я вѣрю: я любимъ; для сердца нужно вѣришь.
Нышь, милая моя не можешь лицемѣришь;
Все непришворно въ ней: желаній шомный жарь,
Спыдливость робкая, харишь безцѣнный дарь,
Нарядовъ и рѣчей пріяшная небрежность
И ласковыхъ именъ младенческая нѣжность.

VII.

Рѣдѣшь облаковъ лешучая гряда.
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
Твой лучъ осеребриль увядшія равнины
И дремлющій заливъ и черныхъ скаль вершины.
Люблю швой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ;
Онъ думы разбудилъ, уснувшія во мнѣ:
Я помню швой восходъ, знакомое свѣшило,
Надъ мирною спраной, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ спройны шпополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлешь нѣжный миршъ и шемный кипарисъ
И сладосшно шумяшъ полуденныя волны.
Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь.

VIII.

НЕРЕИДА.

Среди зеленыхъ волнь, лобзающихъ Тавриду,
На утренней зарѣ я видѣль Нереиду.
Сокрытый межъ деревь, едва я смѣль дохнушь:
Надъ ясной влагою полубогиня грудь
Младую, бѣлую какъ лебедь, воздымала
И пѣну изъ власовъ спруею выжимала.

IX.

Д О Р И Д А.

Въ Доридѣ нравяшся и локоны златыя
И блѣдное лице и очи голубыя.
Вчера, друзей моихъ оставя пирь ночной,
Въ ея объятіяхъ я нѣгу пилъ душой;
Восторги быспрые восторгами смѣнялись,
Желанья гасли вдругъ и снова разгарались;
Я шаялъ: но среди невѣрной шемношы
Другія милыя мнѣ видѣлись чершы,
И весь я полонъ былъ шамнспвенной печали,
И имя чуждое успа мои шепшали.

X.

Ч * * * Ву.

Къ чему холодныя сомнѣнья?
 Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,
 Гдѣ крови жаждущимъ богамъ
 Дымилась жертвоприношенья;
 Здѣсь успокоена была
 Вражда свирѣпой эвмениды:
 Здѣсь провозвѣстница Тавриды
 На брата руку занесла;
 На сихъ развалинахъ свершилось
 Святое дружбы поржество,
 И душъ великихъ божество
 Своимъ созданьемъ возгордилось.

.
Ч***, помнишь ли бывшее?

Давно ль съ воспоргомъ молодымъ

Я мыслиль имя роковое

Предашь развалинамъ инымъ?

Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,

Теперь и лёнь и шишина,

И, въ умиленьи вдохновенномъ,

На камнѣ, дружбой освященномъ,

Пишу я наши имена.

XI.

ДОЧЕРИ КАРАГЕОРГІЯ.

Гроза луны, свободы воинь,
Покрышый кровію свяшой,
Чудесный швой опець, пресшунникъ и герой,
И ужаса людей и славы былъ достоинь.
Тебя младенца онъ ласкаль
На пламенной груди рукой окровавленной;
Твоей игрушкой былъ кинжалъ
Брашоубійствомъ изощренной.
Какъ часпо, возбудивъ свирѣпой месши жарь,
Онъ молча надъ швоей невинной колыбелью
Убійспва новаго обдумываль ударь
И лепешь швой внималь и не былъ чуждь веселью!

Таковъ былъ : сумрачный , ужасный до конца.
Но ты , прекрасная , ты бурный вѣкъ отца
Смирненной жизнию предъ небомъ искупила :
Съ могилы грозной къ небесамъ
Она , какъ сладкій виміамъ ,
Какъ чистая любви молитва восходила.

1821.

1281
K1617

I.

Мой другъ, забышы мной слѣды минувшихъ лѣтъ
И младоспи моей мяшежное печенье.
Не спрашивай меня о томъ, чего ужъ нѣтъ,
Что было мнѣ дано въ печаль и въ наслажденье,
Что я любилъ, что измѣнило мнѣ.
Пускай я радоспи вкушаю невольнѣ;
Но ты, невинная, ты рождена для счастья.
Безпечно вѣрь ему, лепучій мигъ лови:
Душа швоя жива для дружбы, для любви,
Для поцалуевъ сладоспращья;
Душа швоя чиста: унынье чуждо ей;
Свѣшла, какъ ясный день, младенческая совѣсть.
Къ чему шебѣ внимаешь безумства и спращей
Незанимательную повѣсть?

Она швой пихій умъ невольно возмушишь;
Ты слезы будешь лишь, пы сердцемъ содрогнешься;
Довѣрчивой души безпечность улепишь,
И пы моей любви, бышь можешь, ужаснешься.
Бышь можешь, навсегда... Нѣшь, милая моя,
Лишишься я боюсь послѣднихъ наслажденій.
Не шребуи ошь меня опасныхъ ошкровеній:
Сегодня я люблю, сегодня счастливь я.

II.

В О Й Н А.

Война!... Подьяпы наконецъ,
Шумяшь знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздникъ меспи;
Засвищешь вокругъ меня губишельный свинець.
И сколько сильныхъ впечатлѣній
Для жаждущей души моей:
Спремленье бурныхъ ополченій,
Тревоги спана, звукъ мечей,
И въ роковомъ огнѣ сраженій
Паденье ратныхъ и вождей!
Предмешы гордыхъ пьснопѣній
Разбудяшь мой уснувшій геній.
Все ново будешь мнѣ: просая сѣнь шапра,
Огни враговъ, ихъ чуждое взыванье,

Вечерній барабанъ, громъ пушки, визгъ ядра

И смерти грозной ожиданье.

Родишься ль пы во мнѣ, слѣпая славы спрасць,

Ты, жажда гибели, свирѣпый жаръ героевъ?

Вѣнокъ ли мнѣ двойной доспанешся на часъ,

Кончину ль темную судилъ мнѣ жребій боевъ,

И все умрешь со мной: надежды юныхъ дней,

Священный сердца жаръ, къ высокому спремленье,

Воспоминаніе и брата и друзей,

И мыслей шворческихъ напрасное волненье,

И пы, и пы, любовь?... Уже ль ни бранный шумъ,

Ни рашные пруды, ни ропоть гордой славы,

Ничто не заглушишь моихъ привычныхъ думъ?

Я шаю, жертва злой оправы:

Покой бѣжишь меня; нѣшь власпи надъ собой,

И пягостная лѣнь душою овладѣла...

Что жь медлишь ужась боевой?

Что жь битва первая еще не закипѣла?...

III.

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечпы;
Остались мнѣ одни спраданья,
Плоды сердечной пустошы.

Подъ бурями судьбы жестокой
Увяль цвѣтущій мой вѣнецъ;
Живу печальный, одинокой,
И жду: придетъ ли мой конецъ?

Такъ позднимъ хладомъ пораженной,
Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
Одинъ на вѣткѣ обнаженной
Трепещеть запоздалый листъ.

IV.

Умолкну скоро я. Но если въ день печали
Задумчивой игрой мнѣ струны ошвѣчали;
Но если юноши, внимая молча мнѣ,
Дивились долгому любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи швердила въ пишинѣ
И сердца моего языкъ любила спрашной;
Но если я любимъ: позволь, о милый другъ,
Позволь одушевить прощальный лиры звукъ
Завѣшнымъ именемъ любовницы прекрасной.
Когда меня навѣкъ обымешъ смершный сонъ;
Надъ урною моей промолви съ умиленьемъ:
Онъ мною былъ любимъ, онъ мнѣ былъ одолжёнъ
И пѣсень и любви послѣднимъ вдохновеньемъ.

V.

ГРОБЪ ЮНОШИ.

..... Сокрылся онъ,
Любви, забавъ пипомецъ нѣжной;
Кругомъ него глубокій сонъ
И хладъ могилы безмятежной...

Любилъ онъ игры нашихъ дѣвъ,
Когда весной въ шѣни деревь
Онъ кружились на свободѣ;
Но нынче въ рѣзвомъ хороводѣ
Не слышенъ ужъ его припѣвъ.

Давно ли спарцы любовались
Его веселостью живой,

Полупечально улыбались
И говорили межъ собой:
« И мы любили хороводы,
Блиспали также въ насъ умы;
Но погоди, приспѣюшь годы,
И будешь шо, чшо нынѣ мы;
Какъ намъ, о міра гостъ игривый,
Тебѣ посынешь бѣлый свѣтъ;
Теперь играй... » Но спарцы живы,
А онъ увялъ во цвѣтѣ лѣтъ.
И безъ него друзья пируютъ,
Другихъ ужъ полюбишь успѣвъ;
Ужъ рѣдко, рѣдко именуютъ
Его въ бесѣдѣ юныхъ дѣвъ.
Изъ милыхъ женъ, его любившихъ,
Одна, бышь можешь, слезы льешь,
И памяшь радостей почившихъ
Привычной думою зовешь...
Къ чему?

Надъ ясными водами

Гробницы мирною семьей

Подъ наклоненными крестами

Таясь въ роцѣ вѣковой.

Тамъ, на краю большой дороги,

Гдѣ липа старая шумитъ,

Забывъ сердечныя превоги,

Нашъ бѣдный юноша лежитъ.

Напрасно блещетъ лучъ денницы,

Иль ходитъ мѣсяцъ средь небесъ,

И вокругъ безчувственной гробницы

Ручей журчитъ и шепчетъ лѣсъ;

Напрасно упромъ за малиной

Къ ручью красавица съ корзиной

Идетъ и въ холодъ ключевой

Пугливо ногу опускаетъ:

Ничто его не вызываетъ

Изъ мирной сѣни гробовой.

VI.

КЪ ОВИДІЮ.

Овидій, я живу близъ тихихъ береговъ,
Которымъ изгнанныхъ опеческихъ боговъ
Ты нѣкогда принесъ и пепель свой оставилъ.
Твой безопрядный плачь мѣша сіи прославилъ:
И лиры нѣжный гласъ еще не онѣмѣлъ;
Еще швоей молвой наполненъ сей предѣлъ.
Ты живо впечашлѣлъ въ моемъ воображенѣ
Пусшыню мрачную, поэша започенье,
Туманный сводъ небесъ, обычные снѣга
И крапкой шенлошой согрѣшые луга.
Какъ часшо, увлеченъ унымыхъ спрунь игрою,
Я сердцемъ слѣдовалъ, Овидій, за шобою:
Я видѣлъ швой корабль игралищемъ валовъ,
И якорь, верженный близъ дикихъ береговъ,

Гдѣ ждешь пѣвца любви жестокая награда.
 Тамъ нивы безъ пѣней, холмы безъ винограда;
 Рожденные въ снѣгахъ для ужасовъ войны,
 Тамъ холодной Скиѣи свирѣпыя сыны,
 За Исромъ ушаясь, добычи ожидаютъ,
 И селамъ каждый мигъ набѣгомъ угрожаютъ.
 Преграды нѣтъ для нихъ: въ волнахъ они плывутъ
 И по льду звучному безпрепятно идутъ.
 Ты сама (дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной!),
 Ты, съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волненье жизни рапной,
 Привыкнувъ розами вѣнчать свои власы
 И въ нѣгѣ провождаешь безпечные часы,
 Ты будешь принужденъ взложитъ и шлемъ тяжелой,
 И грозный мечъ хранишь близъ лиры оробѣлой.
 Ни дочерь, ни жена, ни вѣрный сонмъ друзей,
 Ни музы, легкія подруги прежнихъ дней,
 Изгнаннаго пѣвца не уладяшь печали.
 Напрасно граціи стихи твои вѣнчали,
 Напрасно юноши ихъ помнятъ наизусть:
 Ни слава, ни лѣша, ни жалобы, ни грусть,

Ни пѣсни робкія Октавія не пронуть;
 Дни спароспи швоей въ забвеніи попонуть.
 Златой Италіи роскошный гражданинъ,
 Въ опчизнѣ варваровъ безвѣспень и одинъ,
 Ты звуковъ родины вокругъ себя не слышишь;
 Ты въ шяжкой гореспи далекой дружбѣ пишешь:
 « О, возвратише мнѣ священный градъ опцовъ
 И шѣни мирныя наслѣдшвенныхъ садовъ!
 О други, Августу мольбы мои несише!
 Карающую длань слезами опклонише!
 Но если гнѣвный богъ досель неумолимъ,
 И вѣкъ мнѣ не выдашь шебя, великій Римъ;
 Последнею мольбой смягчая рокъ ужасной,
 Приближьше хошь мой гробъ къ Италіи прекрасной!»
 Чье сердце хладное, презрѣвшее харишь,
 Твое уныніе и слезы укоришь?
 Кшо въ грубой гордостши прочшетъ безъ умиленья
 Сіи элегіи, послѣднія шворенья,
 Гдѣ пы свой шщетный спонь пошомспву передалъ?

Суровый Славянинъ, я слезъ не проливалъ,
 Но понимаю ихъ. Изгнанникъ самовольный,
 И свѣшомъ и собой и жизнью недовольный,
 Съ душой задумчивой, я нынѣ посѣшилъ
 Страну, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ.
 Здѣсь, ожививъ шобой мечпы воображенья,
 Я повторилъ твои, Овидій, пѣснопѣнья,
 И ихъ печальныя картины повѣрялъ;
 Но взоръ обманутымъ мечпаньямъ измѣнялъ.
 Изгнаніе твое плѣняло впайнѣ очи,
 Привыкшія къ снѣгамъ угрюмой полуночи.
 Здѣсь долго свѣшился небесная лазурь;
 Здѣсь крапко царшвуешь жестокоспъ зимнихъ бурь.
 На Скиѣскихъ берегахъ переселенецъ новый,
 Сынъ юга, виноградъ блискаетъ пурпуровой.
 Ужъ пасмурный декабрь на Рускіе луга
 Слоями распилалъ пушистые снѣга;
 Зима дышала памъ: а съ вешней шеплошою
 Здѣсь солнце ясное кашилось надо мною;
 Младою зеленью песпрѣль увядшій лугъ;

Свободныя поля взриваль ужь ранній плугъ;
 Чуть вѣяль вѣперокъ, подь вечерь холодѣя;
 Едва прозрачный ледь, надь озеромъ шускнѣя,
 Кристалломъ покрываль недвижныя спруи.
 Я вспомнилъ опыты несмѣлые швои,
 Сей день, замѣченный крылашымъ вдохновеньемъ,
 Когда ты въ первый разь ввѣряль съ недоумѣньемъ
 Шаги свои волнамъ, окованнымъ зимой:
 И по льду новому, казалось, предо мной
 Скользила шѣнь швоя, и жалобные звуки
 Неслися издали, какъ шомный спонь разлуки.
 Ушѣшься: не увяль Овидіевъ вѣнецъ!
 Увы, среди шолпы заперянный пѣвецъ,
 Безвѣстенъ буду я для новыхъ поколѣній:
 И, жертва шемная, умрешь мой слабый геній
 Съ печальной жизнію, съ минушною молвой!...
 Но если, обо мнѣ пошомокъ поздній мой
 Узнавъ, придетъ искашь въ спранѣ сей опдаленной
 Близь праха славнаго мой слѣдъ уединенной:
 Бреговъ забвенія оспавя хладну шѣнь,

Къ нему слепишь моя признапельная шѣнь,
И будешь мило мнѣ его воспоминанье.
Да сохранился же завѣщное преданье:
Какъ ты, враждующей покорствуя судьбѣ,
Не славой, участью я равень былъ тебѣ.
Здѣсь, лирой сѣверной пусшыни оглашая,
Скипался я въ шѣ дни, какъ на берега Дуная
Великодушный Грекъ свободу вызываль:
И ни единый другъ мнѣ въ мѣрѣ не внималь;
Но чуждые холмы, поля, и рощи сонны,
И музы мирныя мнѣ были благосклонны.

VII.

НАПОЛЕОНЪ.

Чудесный жребій совершился :

Угасъ великій человекъ.

Въ неволь мрачной закашился

Наполеона грозный вѣкъ.

Исчезъ властитель осужденный,

Могучій баловень побѣдъ :

И для изгнанника вселенной

Уже попомешво насмашь.

О ты, чьей памяшью кровавой
Міръ долго, долго будешь полнь,
Пріосѣненъ швоею славой,
Почій среди пуспынныхъ волиъ!
Великолѣпная могила....
Надъ урной, гдѣ швой прахъ лежишь,
Народовъ ненависть почилъ,
И лучъ безсмертія горишь.

Давно ль орлы швои лепали
Надъ обезславленной землѣй?
Давно ли царства упадали
При громахъ силы роковой?
Послушны волѣ своенравной,
Бѣдой шумѣли знамена,
И налагалъ яремъ державной
Ты на земныя племена.

И Франція, добыча славы,
Плѣненный успремилъ взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ.
Ты вель мечи на пиръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ побой:
Европа гибла; сонъ могильный
Носился надъ ея главой.

Надменный, кто себя подвигнул?
 Кто обуяль швой дивный умъ?
 Какъ сердца Рускихъ не посшигнулъ
 Ты съ высоты опважныхъ думъ?
 Великодушнаго пожара
 Не предузнавъ, ужь ты мечпаль,
 Чшо мира вновь мы ждемъ какъ дара;
 Но поздно Рускихъ разгададь...

Россія, бранная царица,
 Воспомни древнія права!

 Пылай, великая Москва!
 Наспали времена другія:
 Исчезни, крапкій нашъ позоръ!
 Благослови Москву, Россія!
 Война: по гробъ нашъ договоръ.

Оцѣпенѣлыми руками
 Схващивъ желѣзный свой вѣнецъ,
 Онъ бездну видить предъ очами,
 Онъ гибнешь, гибнешь наконецъ.
 Бѣжашь Европы ополченья;
 Окровавленные снѣга
 Провозгласили ихъ паденье,
 И шаешь съ ними слѣдъ врага.

И все какъ буря закипѣло;
 Европа свой распоргла плѣнь;
 Вослѣдъ пирану полетѣло,
 Какъ громъ, проклятіе племень.
 И длань народной Немезиды
 Подъяшу видить великанъ:
 И до послѣдней всѣ обиды
 Ошпачены шебѣ, пиранъ!

Изкуплены его спяжаныя
И зло воинственныхъ чудесь
Тоскою душнаго изгнанья
Подъ сѣнью чуждою небесь.
И знойный островъ започенья
Полнощный парусъ посьшишь,
И пущникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начершишь,

Гдѣ, успремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдисшый ужась полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ иногда, въ своей пущынѣ
Забывъ войну, попомшво, шронъ,
Одинъ, одинъ о миломъ сынѣ
Въ уныныи горькомъ думаль онъ.

Да будешь омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмушишь укоромъ
Его развѣчанную пѣнь!
Хвала!... Онъ Рускому народу
Высокій жребій указаль,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщаль.

VIII.

МУЗЫКА.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
 И семиспвольную цѣвницу мнѣ вручила;
 Она внимала мнѣ съ улыбкой: и слегка
 По звонкимъ скважинамъ пустаго просника
 Уже наигрывать я слабыми перспами
 И гимны важные, внушенные богами,
 И пѣсни мирныя Фригійскихъ паспуховъ.
 Съ утра до вечера въ нѣмой шѣни дубовъ
 Прилѣжно я внималъ урокамъ дѣвы шайной;
 И, радуя меня наградою случайной,
 Ошкнувъ локоны опъ милаго чела,
 Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
 Тросникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
 И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

IX.

ДІОНЕЯ.

Хромидъ въ себя влюбленъ : онъ молодъ, и неразъ
Украдкою вдвоемъ мы замѣчали васъ ;
Ты слушаешь его, въ безмолвіи краснѣя ;
Твой взоръ пошупленный желаніемъ горитъ ,
И долго послѣ, Діонея ,
Улыбку нѣжную лице швое хранишь .

X.

ДѢВИА.

Я говорилъ шебъ: спрашися дѣвы милой!
 Я зналъ: она сердца влечетъ невольной силой.
 Неоспорожный другъ, я зналъ: нельзя при ней
 Иную замѣчать, иныхъ искашь очей.
 Надежду поперявъ, забывъ измѣны сладость,
 Пылаешь близъ нея задумчивая младость;
 Любимцы счастья, наперсники судьбы
 Смиренно ей несешь влюбленные мольбы:
 Но дѣва гордая ихъ чувства ненавидишь
 И, очи опустивъ, не внемлешь и не видишь.

XI.

ПРИМѢТЫ.

Спарайся наблюдать различныя примѣты.
Пасухъ и земледѣль въ младенческія лѣшны,
Взглянувъ на небеса, на западную шѣнь,
Умѣюшь ужь предрѣчь и вѣспрь, и ясный день,
И майскіе дожди, младыхъ полей ошраду,
И мразовъ ранній хладъ, опасный винограду.
Такъ, если лебеди, на лонѣ шихихъ водъ
Плескаясь вечеромъ, окличушь швой приходъ,
Иль солнце яркое зайдетъ въ печальны шучи,
Знай, завтра сонныхъ дѣвъ разбудитъ дождь ревучій,
Иль бьющій въ окна градъ, а ранній селянинъ,
Готовясь ужь коситъ высокій злакъ долинь,
Услыша бури шумъ, не выйдешъ на работу
И погрузишься вновь въ лѣнливую дремолу.

XII.

ЗЕМЛЯ И МОРЕ.

Когда по синевѣ морей
Зефиръ скользишь и шихо вѣешь
Въ вѣприла гордыхъ кораблей
И челны на волнахъ лелѣешь;
Забошь и думъ слагая грузъ,
Тогда лѣнюсь я веселѣ
И забываю пѣсни музъ:
Мнѣ моря сладкій шумъ милѣ.
Когда же волны по брегамъ
Ревушь, кипяшь и пѣной плещушь,
И громъ гремишь по небесамъ,
И молніи во мракъ блещушь;

Я удаляюсь ошь морей
Въ гостепріимныя дубровы:
Земля мнѣ кажешся вѣрнѣй,
И жалоць мнѣ рыбаць суровый:
Живешь на ушломь онь челнѣ,
Игралище слѣпой пучины,
А я въ надежной шишинѣ
Внимаю шумь ручья долины.

XIII.

КРАСАВИЦА ПЕРЕДЪ ЗЕРКАЛОМЪ.

Взгляни на милую, когда свое чело
Она предъ зеркаломъ цвѣтами окружаетъ,
Играешь локономъ, и вѣрное стекло
Улыбку, хитрый взоръ и гордость отражаетъ.

XIV.

АЛЕКСѢЕВУ.

Мой милый, какъ несправедливы
Твои ревнивыя мечпы :
Я позабыль любви призывы
И плѣнь опасной красоты ;
Свободы другъ миролюбивый,
Въ полпѣ красавицъ молодыхъ,
Я, равнодушный и лѣнивый,
Своихъ боговъ не вижу въ нихъ.
Ихъ томный взоръ, привѣсный лепешъ
Уже невласпны надо мной.
Забыло сердце нѣжный прелепъ
И пламя юности живой.

Теперь ужь мнѣ влюбиться трудно,
Вдыхашь неловко и смѣшно,
Надеждѣ вѣришь безразсудно,
Мужей обманывашь грѣшно.
Прошелъ веселой жизни праздникъ,
Какъ мой задумчивый проказникъ,
Какъ Барашинскій я швержу:
« Нельзя ль найши подруги нѣжной?
« Нельзя ль найши любви надежной? »
И ничего не нахожу.
Оспая счастья призракъ ложный,
Безъ упоительныхъ спрасшей,
Я спалъ наперсникъ осторожный
Моихъ неопытныхъ друзей.
Когда любовникъ испугленной,
Тоскуя, плачешь предо мной,
И для красавицы надменной
Клянешься жершвовашь собой;
Когда въ жару своихъ желаній
Съ воспоргомъ изьясняешь онъ

Неясныхъ, темныхъ ожиданій
Обманчивый, но сладкій сонъ,
И, крѣпко руку сжавъ у друга,
Клянешь ревниваго супруга,
Или докучливую машь:
Его безумнымъ увѣреньямъ
И поминушнымъ повпореньямъ
Люблю съ участіемъ внимаешь;
Я льщу слѣпой его надеждѣ,
Я молодъ юношью чужой
И говорю: такъ было прежде
Во время оно и со мной.

XV.

К * * * НУ.

Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ,
Черты волшебницы прекрасной?
Таланшовъ обожатель спростной,
Я прежде былъ ея поэтъ.
Съ досады, можешь быть, неправой,
Когда одна въ дыму кадиль
Красавица блистала славой,
Я свисломъ гимны заглушилъ.
Погибни злобы мигъ единой,
Погибни лиры ложный звукъ:
Она виновна, милый другъ,
Предъ Селименой и Моиной.

Такъ легкомысленной душой,
О боги, смертный васъ поносишь;
Но вскорѣ пререшной рукой
Вамъ жершвы новыя приносишь.

XVI.

Ч * * * В У.

Въ странѣ, гдѣ я забыль превоги прежнихъ лѣтъ,
Гдѣ прахъ Овидіевъ пустынный мой сосѣдь,
Гдѣ слава для меня предметъ заботы малой,
Тебя недоспаешь душѣ моей успалой.
Врагу спѣсипельныхъ условій и оковъ,
Непрудно было мнѣ опвыкнущь опъ пировъ,
Гдѣ праздный умъ блеспишь, тогда, какъ сердце дремлешь
И правду пылкую приличій хладъ объемлешь.
Оспавя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣль о нихъ;
Вздохнувъ, оставиль я другія заблужденья,
Враговъ моихъ предаль прокляшю забвенья,

Такъ легкомысленной душой,
О боги, смерпный васъ поносишь;
Но вскорѣ пререшной рукой
Вамъ жершвы новыя приносишь.

XVI.

Ч * * * В У.

Въ странѣ, гдѣ я забылъ превоги прежнихъ льпъ,
Гдѣ прахъ Овидіевъ пусынный мой сосѣдъ,
Гдѣ слава для меня предметъ заботы малой,
Тебя недоспаетъ душъ моей успалой.
Врагу спѣсншельныхъ условій и оковъ,
Нешрудно было мнѣ опвыкнущъ опъ пировъ,
Гдѣ праздный умъ блеспшъ, тогда, какъ сердце дремлетъ
И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ.
Оспавя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ;
Вздохнувъ, оспавиль я другія заблужденья,
Враговъ моихъ предель проклятію забвенья,

И, съши розорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю пишину.
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій прудъ и жажду размысленій.
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ дружень умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградишь въ объятіяхъ свободы
Мяшежной младостью упраченные годы
И въ просвѣщеніи спашь съ вѣкомъ наравнѣ.
Богини мира, вновь явились музы мнѣ
И независимымъ досугамъ улыбнулись;
Цѣвницы брошенной успа мои коснулись;
Старинный звукъ меня обрадовалъ: и вновь
Пою мои мечшы, природу и любовь,
И дружбу вѣрную, и милые предметы,
Плѣнявшіе меня въ младенческія лѣты,
Въ тѣ дни, когда, еще незнаемый никѣмъ,
Не зная ни заботы, ни цѣли, ни системы,
Я пѣньемъ оглашалъ пріюшь забавъ и лѣни
И Царскосельскія хранишельныя сѣни.

Но дружбы нѣтъ со мной: печальный вижу я
Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края;
Ни музы, ни шруды, ни радости досуга,
Ничто не замѣнитъ единственнаго друга.
Ты былъ цѣлицелемъ моихъ душевныхъ силъ;
О неизмѣнный другъ, тебѣ я посвящилъ
И крашкѣй вѣкъ, уже испытанный судьбою,
И чувства, можешь быть, спасенныя побою!
Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
Ты видѣлъ, какъ попомъ въ волненіи спрасшей
Я шайно изнывалъ, спрадалецъ упомленной;
Въ минушу гибели надъ бездною пошанной
Ты поддержалъ меня недремлющей рукой;
Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
Во глубину души вникая спрогимъ взоромъ,
Ты оживлялъ ее совѣшномъ иль укоромъ;
Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;
Терпѣнье смѣлое во мнѣ раждалось вновь;
Ужь голось клеветы не могъ меня обидѣть:
Умѣлъ я презирашь, умѣя ненавидѣть.

Мнѣ ль было съшовашь о шолкахъ шалуновъ,
 О лепешаньи дамъ, зоиловъ и глупцовъ,
 И сплешней разбирашь игривую зашью,
 Когда гордишься могъ я дружбою швоею?
 Благодарю боговъ: прошелъ я мрачный пущь;
 Печали раннія мою шѣнили грудь:
 Къ печалямъ я привыкъ, расчелся я съ судьбою,
 И жизнь перенесу споической душою.
 Одно желаніе: останься ты со мной!
 Небесь я не шомилъ молишвою другою.
 О, скоро ли, мой другъ, наспанешь срокъ разлуки?
 Когда соединимъ слова любви и руки?
 Когда услышу я сердечный швой привѣшь?
 Какъ обниму шебя! Увижу кабинешь,
 Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда мечшашель
 И въшреной шолпы безспрасшный наблюдашель;
 Приду, приду я вновь, мой милый домосѣдь,
 Съ шобою воспоминашь бесѣды прежнихъ лѣшь,
 Младые вечера, пророческіе споры,
 Знакомыхъ мершвецовъ живые разговоры;

Поспоримъ , перечшемъ , посудимъ , побранимъ ,
И счастливь буду я : но только ради Бога
Гони шы *** отъ нашего порога.

XVII.

КЪ * * *

Зачѣмъ безвременную скуку
Зловѣщей думою пишашь,
И неизбежную разлуку
Въ уныньи робкомъ ожидашь?
И такъ ужъ близокъ день спрданья!
Одинъ, въ тиши пуспыхъ полей,
Ты будешь зватьъ воспоминанья
Потерянныхъ шобою дней:
Тогда изгнаньемъ и могилой,
Несчастннй, будешь ты гошовъ
Купишь хошь слово дѣвы милой,
Хошь легкій шумъ ея шаговъ.

1822.

7961

I.

ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

Какъ нынѣ собирается вѣщій Олегъ
 Опмешипь неразумнымъ Хозарамъ :
 Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
 Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
 Съ дружиной своей, въ Цареградской бронѣ,
 Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса, на встрѣчу ему,
 Идетъ вдохновенный кудесникъ,
 Покорный Перуну старикъ одному,
 Завѣщовъ грядущаго вѣшникъ,
 Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведенъ весь вѣкъ.
 И къ мудрому старцу подѣхалъ Олегъ.

Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,

Что сбудешся въ жизни со мною?

И скоро ль, на радость сосѣдей-враговъ,

Могильной засыплюсь землёю?

Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:

Въ награду любаго возмешь пы коня.

« Волхвы не бояся могучихъ владыкъ,

А княжескій даръ имъ ненужень;

Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ,

И съ волей небесною дружень.

Грядущіе годы шаяшя во мглѣ;

Но вижу швой жребій на свѣпломъ челѣ.

Запомни же нынѣ пы слово мое:

Воишелю слава опрада;

Побѣдой прославлено имя швое;

Твой щипъ на врапахъ Цареграда;

И волны и суша покорны шебѣ;

Завидуешъ недругъ споль дивной судьбѣ.

И синяго моря обманчивый валь
 Въ часы роковой непогоды,
 И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
 Щадяшь побѣдителя годы . . .
 Подъ грозной бронею шы не вѣдаешь рань;
 Незримый хранишель могущему дань.

Твой конь не боишся опасныхъ прудовъ;
 Онъ, чую господскую волю,
 То смирный спюишь подъ стрѣлами враговъ,
 То мчишся по бранному полю,
 И холодъ и сѣча ему ничего:
 Но примешь шы смершь ошь коня своего.»

Олеги усмѣхнулся; однако чело
 И взоръ омрачилися думой.
 Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
 Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмой;
 И вѣрнаго друга прощальной рукой
 И гладить и преплеть по шеѣ крупой.

« Прощай, мой поварищъ мой вѣрный слуга,

Разспашься настало намъ время:

Теперь отдохай; ужь не спушишь нога

Въ свое позлащенное спремя.

Прощай, утѣшайся, да помни меня.

Вы, опроки-други, возьмите коня!

Покройте попоной, мохнашымъ ковромъ;

Въ мой лугъ подъ ушцы опведите;

Купайте, кормите опборнымъ зерномъ;

Водой ключевою поите. »

И опроки пощчасъ съ конемъ опошли,

А князю другаго коня подвели.

Пируеть съ дружиною вѣщій Олегъ

При звонѣ веселомъ спакана.

И кудри ихъ бѣлы, какъ ушренный снѣгъ

Надъ славной главою кургана...

Они поминають минувшіе дни

И бившы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

« А гдѣ мой поварищъ, промолвилъ Олегъ,
Скажише, гдѣ конь мой репивый?
Здоровъ ли? Все шакже ль лежокъ его бѣгъ?
Все шопъ же ль онъ бурный, игривый? »
И внемлющъ опвѣшу: на холмѣ крупомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.

Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: « что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный шарикъ!
Презрѣшь бы швое предсказанье!
Мой конь и доныцѣ носилъ бы меня. »
И хочешъ увидѣшь онъ кости коня.

Вошь ѣдешъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и шарые госпи,
И видяшь: на холмѣ, у берега Днѣпра,
Лежашъ благородныя кости;
Ихъ моющъ дожди, засыпаешъ ихъ пыль,
И вѣшеръ волнуешъ надъ ними ковыль.

Князь шихо на черепъ коня наспупись

И молвилъ : « спи , другъ одинокой !

Твой спарый хозяйнъ шебя пережилъ :

На признѣ , уже недалёкой ,

Не ты подь съкирой ковыль обагришь

И жаркою кровью мой прахъ напоишь !

Такъ вошь , гдѣ шайлась погибель моя !

Мнѣ смертію косъ угрожала ! »

Изъ мершвой главы гробовая змія

Шипя между шѣмъ выползала ;

Какъ черная ленша вокругъ ногъ обвилась :

И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь .

Ковши круговые зашѣлись шипящъ

На признѣ плачевной Олега :

Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидящъ ;

Дружина пируешъ у берега ;

Бойцы поминающъ минувшіе дни

И бишвы , гдѣ вмѣстѣ рубились они .

II.

А Д Е Л И.

Играй, Адель,

Не знай печали.

Хариты, Лель

Тебя вѣнчали

И колыбель

Твою качали.

Твоя весна

Тиха, ясна :

Для наслажденья

Ты рождена.

Чась упоенья

Лови, лови!

Младья лѣша

Опдай любви,

И въ шумѣ свѣша

Люби, Адель,

Мою свирѣль.

III.

ДРУЗЬЯМЪ.

Вчера былъ день разлуки шумной,
Вчера былъ Вакха буйный пирь,
При кликахъ юности безумной,
При громѣ чашь, при звукѣ лирь.

Такъ, Музы васъ благословили,
Вѣнками свыше осѣня,
Когда вы, други, опмичили
Почешной чашею меня.

Чеспoлюбивой позолотой
Не ослѣпляя нашихъ глазъ,
Она не суешной работою,
Не рѣзбою плѣняла насъ;

Но пѣмъ однимъ лишь опличалась,
Что, жажду Скиѣскую поя,
Бушылка полная вливалась
Въ ея широкіе края.

Я пилъ, и дуемою сердечной
Во дни минувшіе лешалъ,
И горе жизни скоромечной
И сны любви воспоминалъ.

Меня смѣшила ихъ измѣна:
И скорбь исчезла предо мной,
Какъ исчезаетъ въ чашахъ пѣна
Подъ зашипѣвшею струей.

IV.

ГРЕЧАНКЪ.

Ты рождена воспалять
Воображеніе поэтовъ,
Его превозносишь и плѣняешь
Любезной живостью привѣтовъ,
Воспощной спранныостью рѣчей,
Блещаньемъ зеркальныхъ очей
И эпой ножкою нескромной;
Ты рождена для нѣги помной
Для упоенія сшрастей.
Скажи: когда пѣвецъ Лейлы
Въ мечшахъ небесныхъ рисовалъ
Свой неизмѣнный идеаль,
Ужь на тебя ль изображалъ
Поэшь мучительный и милый?

Бышь можешь, въ дальней споронѣ,
Подъ небомъ Греціи священной,
Тебя спрадалецъ вдохновенной
Узналъ, иль видѣлъ какъ во снѣ,
И скрылся образъ незабвенной
Въ его сердечной глубинѣ.
Бышь можешь, лирою счастливой
Тебя волшебникъ искушалъ;
Невольный пререпеть возникалъ
Въ швоей груди самолюбивой:
И ты, склонясь къ его плечу....
Нѣшь, нѣшь, мой другъ, мечшы ревнивой
Пишашъ я пламя не хочу:
Мнѣ долго счастье чуждо было,
Мнѣ ново наслаждашъся имъ,
И, тайной грустію помимъ,
Боюсь: невѣрно все, что мимо.

V.

Сводь неба мракомъ обложился;
Въ волнахъ Варяжскихъ лунный лучь,
Сверкая межъ вечернихъ пучь,
Сполпомъ неровнымъ опразился.
Качаясь, лебедь на волнѣ
Заснуль, и все кругомъ почило;
Но вошь по темной глубинѣ
Спремися бѣлое въприло,
И блещеть пѣна при лунѣ;
Лешипь испуганная пшица,
Услыша близкій шумъ весла.
Чей эшо парусь? Чья десница
Его во мракъ напрягла?

Ихъ двое. На весло нагбенный,
 Одинъ, смиренный жишель волнь,
 Гребешь и къ югу правишь чёлнь;
 Другой, какъ волхвомъ пораженный,
 Стоишь недвижимъ; на брега
 Глаза впередь, не молвишь слова,
 И черезъ челнь его нога
 Перешагнушь уже гошова.
 Плывашь....

« Причаливай, спарикъ!
 Къ утесу правь » — и въ волны вмигъ
 Прыгнуль пловецъ нешерпѣливой
 И береговъ уже досшигъ.
 Межь шѣмъ, рукой нешоропливой
 Другой въприло опуспивъ,
 Свой челнь къ утесу пригоняешъ,
 Къ подошвамъ двухъ союзныхъ ивъ
 Узломъ надежнымъ укрѣпляешъ,
 И входишь медленной спопой

На берегъ дикой и крушой.
 Кремень звучишь, и пламя вскорѣ
 Далеко освѣщило море.
 Суровый край! Громады скаль
 На берегу спояшь угрюмомъ;
 Объ нихъ мяшежный бьется валь
 И пѣна плещеть; сосны съ шумомъ
 Качающъ спарыя главы
 Надъ зыбкой пеленой пучины;
 Кругомъ ни цвѣша, ни шравы,
 Песокъ да мохъ; скалы, спремнины,
 Вездѣ хранящъ клеймо громовъ
 И слѣдъ пошочковъ испощенныхъ,
 И плѣющъ коспи — пирь волковъ
 Въ разсѣлинахъ окровавленныхъ.
 Къ огню забопливый спарикъ
 Простеръ нѣмбющія руки.
 Примѣшы долгольшной муки,
 Согбенны коспи, пощій ликъ,
 На коемъ время углубляло

Свои послѣдніе слѣды,
 Одежда, обувь — все являло
 Въ немъ дикость, нужду и шруды,
 Но кто же шось? Блискаетъ младость
 Въ его лицѣ; какъ вешній цвѣтъ
 Прекрасенъ онъ; но, мнишь, радость
 Его не знала съ дѣтскихъ лѣтъ;
 Въ глазахъ пошупленныхъ кручина;
 На немъ одежда Славянина
 И на бедрѣ Славянской мечъ.
 Славянь вошь очи голубья,
 Вошь ихъ и волосы злапые,
 Волнами падшіе до плечъ. — — —
 Космашымъ рубищемъ одѣтый,
 Огнемъ живишельнымъ согрѣтый,
 Спарикъ забылся крѣпкимъ сномъ.
 Но юноша, на перси руки
 Задумчиво сложивъ крестомъ,
 Сидишь съ нахмуреннымъ челомъ....
 Проходишь ночь, огонь погасъ,

Оспыль и пепель; водь пучина
Бѣлѣшь; близокъ ушра часъ;
Нисходишь сонъ на Славянина.

Видалъ онъ дальныя страны,
По сушь, по морю носился,
Во дни былые, дни войны,
На западъ, на югъ бился,
Дѣля добычу и пруды
Съ суровымъ племенемъ Одена,
И передъ нимъ враговъ ряды
Бѣжали, какъ морская пѣна
Въ часъ бури къ чернымъ берегамъ.
Внималъ онъ радостнымъ хваламъ
И арфамъ Скальдовъ испуленныхъ,
Въ жилищѣ сильныхъ пировалъ
И очи дѣвъ иноплеменныхъ
Красою чуждой привлекалъ.
Но сладкій сонъ не переносишь
Теперь героя въ край чужой,

Въ поля, гдѣ мчился бурный бой,
Гдѣ мечъ главы героевъ косилъ;
Не видишь онъ знакомыхъ скалъ
Кириаландіи печальной,
Ни Албіона, гдѣ искалъ
Кровавыхъ сѣчь и славы дальней;
Ему не снился шумъ валовъ;
Онъ позабылъ морскія битвы,
И пламя яркое коспоровъ,
И шрубный звукъ, и лай ловипвы;
Другія грезы и мечшы
Волнуютъ сердце Славянина:
Предъ нимъ Славянская дружина;
Онъ узнаешъ ея щипы,
Онъ снова проспираешъ руки
Товарищамъ минувшихъ лѣтъ,
Забышымъ въ долги дни разлуки,
Которыхъ ужъ и въ мірѣ нѣтъ.....

Межь шѣмъ привычныя заботы
Средь усладительной дремоты
Тревожатъ душу старика:
Во снѣ онъ парусъ развиваешь,
Плывешь по волѣ въперка,
Его шихонько увлекаешь
Къ заливу свѣшная рѣка,
И рыба сонная впадаетъ
Въ тяжелый неводъ старика;
Все шихо: море почиваешь,
Но пуча виснешь; дальній громъ
Надъ звучной бездною грохочешь,
И вошь пучина надъ челномъ
Кипишь, подъемлешься, клокочешь;
Напрасно къ вѣрнымъ берегамъ
Несчастный возвратишься хочешь,
Челнокъ прещишь и — пополамъ!
Рыбакъ идетъ на дно морское,
И пробудясь, шрепещетъ онъ,
Глядишь окрестъ: брега въ покоѣ,

На полусвѣшлый небосклонъ
Восходишь ушро золотое;
Съ деревь, съ ушесисныхъ вершинъ,
На встрѣчу радосшной денницы,
Щебеча, полетѣли птицы
И разсвѣло....

VI.

БАРАТЫНСКОМУ ИЗЪ БЕССАРАБИИ.

Сія пустынная страна
Священна для души поэта :
Она Державинымъ воспѣта
И славой Рускою полна.
Еще донинѣ шѣнь Назона
Дунайскихъ ищетъ береговъ ;
Она лепитъ на сладкій зовъ
Питомцевъ музъ и Аполлона,
И съ нею часто при лунѣ
Брожу вдоль берега круаго :
Но, другъ, обняшь милѣ мнѣ
Въ тебѣ Овидія живаго.

VII.

ЕМУ ЖЕ.

Я жду обещанной награды:
Чшо жь медлишь, милый трубадурь!
Пришли ее мнѣ Феба ради,
И награди тебя Амурь.

VIII.

Люблю вашъ сумракъ неизвѣстной
И ваши тайныя цвѣты,
О вы, поэзіи прелестной
Благословенныя мечты!
Вы насъ увѣрили, поэты,
Что тѣни, легкою толпой,
Отъ береговъ холодной Лешы,
Слѣшающся на брегъ земной,
И невидимо навѣщають
Мѣста, гдѣ было все милѣй,
И въ сновидѣньяхъ утѣшаютъ
Сердца покинутыхъ друзей;
Онѣ, безсмертіе вкушая,
Ихъ поджидаютъ въ Элизей,
Какъ ждешь на пирь семья родная
Своихъ замедлившихъ гостей...

Но, можешь быть, мечты пустыя —
Быть можешь, съ ризой гробовой
Вся чувства брошу я земныя,
И чуждъ мнѣ будешь міръ земной;
Быть можешь, шамъ, гдѣ все блистаетъ
Нешлюбною славой и красой,
Гдѣ чистый пламень пожираетъ
Несовершенство бытія,
Минушнихъ жизни впечатлѣній
Не сохранишь душа моя,
Не буду вѣдать сожалѣній,
Тоску любви забуду я...

110. Москва, 1812 г. 12 июля.
Ваше письмо, от 10 июля, получено.
Вот сведения о нем, а также о
и еще о некоторых других делах.
Ваша Москва, 12 июля, 1812 г.
Получил от вас и письмо,
в котором вы писали, что
в Москве, 12 июля, 1812 г.
Получил от вас и письмо,
в котором вы писали, что
в Москве, 12 июля, 1812 г.
Получил от вас и письмо,
в котором вы писали, что
в Москве, 12 июля, 1812 г.

71613

1823.

К 1916 С

I.

Простишь ли мнѣ ревнивыя мечпы,
Моей любви безумное волненье?
Ты мнѣ вѣрна: зачѣмъ же любишь ты
Всегда пугашь мое воображенье?
Окружена поклонниковъ толпой,
Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой,
И всѣхъ даришь надеждою пустою
Твой чудный взоръ, по нѣжный, по унылой?
Мной овладѣвъ, мнѣ разумъ омрачивъ,
Увѣрена въ любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, въ толпѣ ихъ страшной,
Бесѣды чуждъ, одинъ и молчаливъ,

Терзаюсь я досадою одинокой;
Ни слова мнѣ, ни взгляда... другъ жестокой!
Хочу ль бѣжать: съ боязнью и мольбой
Твои глаза не слѣдуютъ за мной.
Заводишь ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговоръ:
Спокойна ты; веселый твой укоръ
Меня мертвишь, любви не выражая.
Скажи еще: соперникъ вѣчный мой,
Наединѣ заспавъ меня съ тобой,
Зачѣмъ тебя привѣщиваетъ лукаво?...
Что жъ онъ тебѣ? Скажи, какое право
Имѣешь онъ блѣднѣть и ревновать?...
Въ нескромный часъ межъ вечера и снѣпа,
Безъ мапери, одна, полуодѣпа,
Зачѣмъ его должна ты принимашь?...
Но я любимъ.... Наединѣ со мною
Ты такъ нѣжна! Лобзанія твои
Такъ пламенны! Слова твоей любви
Такъ искренно полны твоей душою!

Тебѣ смѣшны мученія мои;
Но я любимъ, себя я понимаю.
Мой милый другъ, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, какъ сильно я люблю,
Не знаешь ты, какъ тяжко я страдаю.

II.

Ненаспный день поухъ; ненаспной ночи мгла
По небу спелешся одеждою свинцовой;

Какъ привидѣніе, за рощею сосновой

Луна шуманная взошла...

Все мрачную поску на душу мнѣ наводишь.

Далеко, шамъ, луна въ сіяніи восходишь;

Тамъ воздухъ напоень вечерней шеплошой;

Тамъ море движешся роскошной целеной

Подъ голубыми небесами...

Вошь время: по горѣ шеперь идешь она

Къ брегамъ, пошопленнымъ шумящими волнами;

Тамъ, подъ завѣшными скалами,

Теперь она сидишь печальна и одна...

Одна... никшо предъ ней не плачешь, не поскуешь;

Никшо ея колѣнь въ забвеньи не цалуешь;

Одна.. ничьимъ устамъ она не предаешь

Ни плечь, ни влажныхъ усть, ни персей бѣлоснѣжныхъ.

. . . Г . О . М . Е . Д . . .

.

.

Никшо ея любви небесной не достоинь.

Не правда ль: ты одна... ты плачешь... я спокоенъ;

.

Но если

III.

ДЕМОНЪ.

Въ шѣ дни, когда мнѣ были новы

Всѣ впечатлѣнья бышя —

И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы;

И ночью пѣнье соловья —

Когда возвышенныя чувства,

Свобода, слава и любовь

И вдохновенныя искусства

Такъ сильно волновали кровь,

Часы надеждъ и наслажденій

Тоской внезапной осыня,

Тогда какой-то злобный геній

Спаль тайно навѣщашь меня.

Печальны были наши встрѣчи :

Его улыбка, чудный взглядъ,

Его язвительныя рѣчи

Вливали въ душу хладный ядъ.

Неиспощимый клеветною,

Онъ провидѣнье искушалъ ;

Онъ звалъ прекрасное мечшою ;

Онъ вдохновенье презиралъ ;

Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ ;

На жизнь насмѣшливо глядѣлъ —

И ничего во всей природѣ

Благословишь онъ не хотѣлъ.

IV.

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ.

Хошь тяжело подь чась въ ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщикъ лихой, сѣдое время,
Везешь, не слезешь съ облучка.

Съ упра садимся мы въ шелегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лѣнь и нѣгу,
Кричимъ: пошоль!.....

Но въ полдень нѣшь ужъ шой опваги;
Поразшрясло насъ; намъ страшнѣй
И косогоры и овраги;
Кричимъ: полегче, дуралей!

Кашишь попережнему шелега.
Подъ вечеръ мы привыкли къ ней,
И дремля ѣдемъ до ночега,
А время гонить лошадей.

V.

Н О Ч Ь.

Мой голосъ для тебя и ласковый и помной
Тревожишь позднее молчанье ночи тёмной.
Близъ ложа моего печальная свѣча
Горишь; мои схижи, сливаясь и журча,
Текушь, ручьи любви, шекушь полны шобою.
Во шмѣ швои глаза блистають предо мною,
Мнѣ улыбающся, и звуки слышу я:
Мой другъ, мой нѣжный другъ... люблю... швоя... швол.

1824.

К 1910

I.

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя сѣдаешь;
На дѣвственныхъ усахъ улыбка замираешь.
Давно швоей иглой узоры и цвѣшны
Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
Груспишь. О, я знапокъ въ дѣвической печали;
Давно глаза мои въ душѣ швоей чипали.
Любви не упайшь: мы любимъ, и какъ насъ,
Дѣвицы нѣжныя, любовь волнуешь васъ.
Счастливы юноши! Но кто, скажи, межъ ними
Красавецъ молодой съ очами голубыми,
Съ кудрями черными?... Красѣешь? Я молчу,
Но знаю, знаю все; и если захочу,
То назову его. Не онъ ли вѣчно бродишь
Вкругъ дома швоего и взоръ къ окну возводишь?

Ты впайнѣ ждешь его. Идешь, и ты бѣжишь,
И долго вслѣдъ за нимъ незримая глядишь.
Никто на праздникъ блистательнаго мая,
Межъ колесницами роскошными лепая,
Никто изъ юношей свободнѣй и смѣлѣй
Не влашвуешь конемъ по прихопи своей.

II.

ПРОЗЕРПИНА.

Плещушь волны Флегетона,
Своды шаршара дрожатъ :
Кони блѣднаго Плутона
Быстро къ нимфамъ Пеліона
Изъ аида бога мчатъ.
Вдоль пустыннаго залива
Прозерпина вслѣдъ за нимъ,
Равнодушна и ревнива,
Попекла лупемъ однимъ.
Предъ богинею колѣна
Робко юноша склонилъ.
И богинямъ льспишь измѣна:
Прозерпинѣ смерпный милъ.

Ада гордая царица
 Взоромъ юношу зовешъ,
 Обняла, и колесница
 Ужь къ аиду ихъ несешъ:
 Мчашся, облакомъ одѣшы;
 Видяшь вѣчные луга,
 Элизей и помной Лешы
 Усыпленные брега.
 Тамъ безсмершье, шамъ забвенье,
 Тамъ утѣхамъ нѣшь конца.
 Прозерпина въ упоеньѣ,
 Безъ порфиры и вѣнца,
 Повинуешся желаньямъ,
 Предаешъ его лобзаньямъ
 Сокровенныя красы,
 Въ сладоспращной нѣгѣ шонешъ
 И молчишь и помно спонешъ...
 Но бѣгушь любви часы;
 Плещушь волны Флегетона,
 Своды шаршара дрожашъ:

Кони блѣднаго Плутона
Быспро мчашь его назадъ.
И Кереры дочь уходишь,
И счастливица за собой
Изъ элизія выводишь
Помаенною пропой;
И счастливецъ опираешь
Оспорожною рукой
Дверь, откуда вылетаешь
Сновидѣній ложный рой.

III.

КЪ МОРЮ.

Прощай, свободная стихія!
 Въ послѣдній разъ передо мной
 Ты капишь волны голубыя
 И блещешь гордою красой.

Какъ друга ропощь заунывный,
 Какъ зовь его въ прощальный часъ,
 Твой грустный шумъ, швой шумъ призывный
 Услышалъ я въ послѣдній разъ.

Моей души предѣль желанный!
 Какъ часто по брегамъ твоимъ
 Бродилъ я тихій и шуманный,
 Завѣшнымъ умысломъ помимъ!

Какъ я любилъ твои шумы,
 Глухіе звуки, бездны гласъ
 И тишину въ вечерній часъ
 И своенравные порывы!

Смиранный парусъ рыбаей,
 Твоею прихотью хранимый,
 Скользишь отважно среди зыбей;
 Но ты взыгралъ, неодолимый;
 И спая понешь кораблей.

Не удалось навѣкъ оставишь
 Мнѣ скучный, неподвижный брегъ,
 Тебя воспоргами поздравить
 И по хребтамъ своимъ направишь
 Мой поэпическій побѣгъ.

Ты ждалъ, ты звалъ... я былъ окованъ;
 Вошце рвалась душа моя :
 Могучей спрасью очарованъ,
 У береговъ осшался я.

О чемъ жалѣшь? Куда бы нынѣ
 Я пущь безпечный устремилъ?
 Одинъ предметъ въ швоей пусынѣ
 Мою бы душу поразилъ.

Одна скала, гробница славы...

Тамъ погружались въ хладный сонъ

Воспоминанья величавы :

Тамъ угасаль Наполеонъ.

Тамъ онъ почилъ среди мученій.

И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,

Другой опъ насъ умчался геній,

Другой власпитель нашихъ думъ.

Исчезъ, оплаканный свободой,

Оспавя міру свой вѣнецъ.

Шуми, взволнуйся непогодой :

Онъ былъ, о море, швой пѣвецъ.

Твой образъ былъ на немъ означень,
 Онъ духомъ созданъ былъ швоимъ:
 Какъ пы, могущь, глубоко и мрачень,
 Какъ пы, ничѣмъ неукрошимъ.

Мірѣ опустѣлъ

Прощай же, море! Не забуду
 Твоей шоржеспвенной красы,
 И долго, долго слышашь буду
 Твой гуль въ вечерніе часы.

Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу, шобою полнь,
Твои скалы, швои заливы,
И блескъ, и шѣнь, и говоръ волнь.

IV.

КОВАРНСТЬ.

Когда твой другъ на гласъ твоихъ рѣчей
Ошвѣспшвуешъ язвительнымъ молчаньемъ ;
Когда свою онъ опъ руки твоей ,
Какъ опъ змѣи , опдернешъ съ содроганьемъ ;
Какъ , на шебя взоръ оспрый пригвоздя ,
Качаешъ онъ съ презрѣньемъ головою ;
Не говори : « онъ боленъ , онъ дпша ,
Онъ мучишся безумною поскою ; »
Не говори : « неблагодаренъ онъ ;
Онъ слабъ и золь , онъ дружбы недостоинъ ;
Вся жизнь его какой-шо пшжкой сонъ . » ...
Уже ль ты правъ ? Уже ли ты спокоенъ ?

Ахъ, если шакъ, онъ въ прахъ гошовъ упасъ,
Чшобъ вымолишь у друга примиренье.
Но если ты свяшую дружбы власъ
Упошреблялъ на злобное гоненье;
Но если ты зашѣливо язвиль
Пугливое его воображенье,
И гордую забаву находиль
Въ его поскѣ, рыданьяхъ, униженьѣ;
Но если самъ презрѣнной клеветы
Ты про него невидимымъ былъ эхомъ;
Но если цѣпь ему накинулъ ты
И соннаго врагу предаль со смѣхомъ,
И онъ прочель въ нѣмой душѣ швоей
Все шайное своимъ печальнымъ взоромъ:
Тогда спунай, не шрашь пусныхъ рѣчей—
Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ.

V.

Д * * * у.

Нельзя, мой толстый Аришипъ :
 Хошь я люблю твои бесѣды,
 Твой милый нравъ, твой милый хрипъ,
 Твой вкусъ и жирные объѣды;
 Но не могу съ тобою плышь
 Къ брегамъ полуденной Тавриды.
 Прошу меня не позабышь,
 Любимецъ Вакха и Киприды!
 Когда чахопочный опець
 Немного пощей Энеиды
 Пускался въ море наконецъ ;
 Ему Горацій, умный льстець ,

Прислалъ торжественную оду,
Гдѣ другу Августовъ пѣвецъ
Сулилъ хорошую погоду.
Но льстивыхъ одъ я не пишу;
Ты не въ чахоткѣ, слава Богу:
У неба я тебѣ прошу
Лишь аппетита на дорогу.

VI,

Ночной зефирь
Спруишь эфирь.
Шумишь,
Бѣжишь
Гвадалквивирь.

Вопь взошла луна злая,
Тише... чу... гитары звонь...
Вопь Испанка молодая
Оперлася на балконь.

Ночной зефиръ
Струишь эфиръ.
Шумишь,
Бѣжишь
Гвадалквивиръ.

Скинь маншилью, ангель милый,
И явись какъ яркой день!
Сквозь чугунныя перилы
Ножку дивную продѣнь!

Ночной зефиръ
Струишь эфиръ.
Шумишь,
Бѣжишь
Гвадалквивиръ.

История России

Самое начало

История

Восток

Татары

701010

История России

Самое начало

История

Восток

Татары

ПОДРАЖАНІЯ КОРАНУ ¹.

Посвящено П. А. О.

I.

Клянусь чешой и нечешой,
Клянусь мечемъ и правой башкой,
Клянуся упренней звѣздой,
Клянусь вечернею молишвой ²:

Нѣшь, не покинулъ я себя.
Кого же въ сѣнь успокоенья
Я ввелъ, главу его любя,
И скрылъ ошь зоркаго гоненья?

Не я ль въ день жажды напоилъ

Тебя пуспынными водами?

Не я ль языкъ швой одарилъ

Могучей властью надъ умами?

Мужайся жь, презирай обмань,

Спезею правды бодро слѣдуй,

Люби сиропь, и мой корань

Дрожащей швари проповѣдуй.

II.

О, жены чистыя пророка,
Опъ всѣхъ вы жень опличены:
Спрашна для васъ и шѣнь порока,
Подъ сладкой сѣнью пишины
Живите скромно: вамъ приспало
Безбрачной дѣвы покрывало.
Хранише вѣрныя сердца
Для нѣгъ законныхъ и спыдливыхъ,
Да взоръ лукавый нечестивыхъ
Не узришь вашего лица.

А вы, о госпи Магомеса,
Спекаясь къ вечери его,
Брегитесь суешами свѣша
Смушишь пророка моего.
Въ паренѣ думъ благочеспивыхъ,
Не любите онъ велерѣчивыхъ
И словъ нескромныхъ и пуспыхъ:
Почтите пиръ его смиреньемъ,
И цѣломудреннымъ склоненьемъ
Его невольницъ молодыхъ 3.

III.

Смушясь, нахмурился пророкъ,
Слѣща послышавъ приближенъе 4:
Бѣжишь, да не дерзнешь порокъ
Ему являшь недоумѣнье.

Съ небесной книги списокъ данъ
Тебѣ, пророкъ, не для спрощивыхъ;
Спокойно возвѣщай коранъ,
Не понуждая нечеспивыхъ!

Почто жь кичишся человекъ?
За по ль, что нагъ на свѣшь явился,
Что дышишь онъ недолгій вѣкъ,
Что слабъ умреть, какъ слабъ родился?

За по ль, что Богъ и умертвишь
И воскресишь его по волѣ?
Что съ неба дни его хранишь
И въ радостяхъ и въ горькой долѣ?

За по ль, что далъ ему плоды
И хлѣбъ и финикъ и оливу,
Благословивъ его шруды
И верхоградъ и холмъ и ниву?

Но дважды ангель воспрубишь;
На землю громъ небесный грянешь:
И брашь отъ брата побъжишь,
И сынъ отъ матери оппрянешь.

И всѣ предъ Бога пришекушь,
Обезображенные страхомъ:
И нечестивые падушъ,
Покрышы пламенемъ и прахомъ.

IV.

Съ Тобою древле, о Всесильный,
Могучій соспязашься мнилъ,
Безумной гордостью обильный;
Но Ты, Господь, его смирилъ.
Ты рекъ: Я міру жизнь дарую,
Я смершью землю наказую,
На все подьяша длань моя.
Я шакже, рекъ онъ, жизнь дарую,
И шакже смершью наказую:
Съ Тобою, Боже, равень я.
Но смолкла похвальба порока
Ошъ слова гнѣва Твоего:
Подьемлю солнце я съ воспока;
Съ заката подыми его.

V.

Земля недвижна; неба своды,
Творецъ, поддержаны Тобой,
Да не падушъ на сушь и воды
И не подавяшъ насъ собой 5.

Зажегъ Ты солнце во вселенной,
Да свѣшишь небу и землѣ,
Какъ лень, елеемъ напоенной,
Въ лампадномъ свѣшишь хрусталѣ.

Творцу молишесь; Онъ могучій:
Онъ правишь въпромя; въ знойный день
На небо насылаешь пучи;
Даешь земль древесну сѣнь.

Онъ милосердь: Онъ Магомешу
Ошкрыль сіяющій корань,
Да припечемъ и мы ко свѣшу,
И да падешь съ очей шумань.

VI.

Недаромъ вы приснились мнѣ
Въ бою съ обрипыми главами,
Съ окровавленными мечами,
Во рвахъ, на башнѣ, на стѣнѣ.

Внемлите радостному кличу,
О дѣши пламенныхъ пуспынь!
Ведите въ плѣнь молодыхъ рабынь,
Дѣлите бранную добычу!

Вы побѣдили : слава вамъ ,
А малодушнымъ посмѣянье.
Они на бранное призванье
Не шли , не вѣря дивнымъ снамъ.

Прельстясь добычей боевою ,
Теперь въ раскаяньи своемъ
Рекушь : возьмите насъ съ собою ;
Но вы скажите : не возьмемъ.

Блаженны падшіе въ сраженьи :
Теперь они вошли въ эдемъ
И пошонули въ наслажденьи ,
Неоsprавляемомъ ничѣмъ.

VII.

Возспань, боязливый :
Въ пещерьъ швоей
Свяшая лампада
До ушра горить.
Сердечной молитвой,
Пророкъ, удали
Печальныя мысли,
Лукавыя сны!
До ушра молитву
Смиренно швори;
Небесную книгу
До ушра читай!

VIII.

Торгуя совѣстью предъ блѣдной нищетою,
Не сыпь своихъ даровъ расчешливой рукою:
Щедроша полная угодна небесамъ.
Въ день грознаго суда, подобно нивѣ пучной,
О сѣяшель благополучной,
Спорицею воздасшь она швоимъ шрудамъ.

Но если, пожалѣвъ шрудовъ земныхъ спяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою зависливую длань;
Знай: всѣ швои дары, подобно горсти пыльной,
Чшо съ камня моешь дождь обильной,
Исчезнушь, Господомъ опшверженная дань.

IX.

И пущникъ успалый на Бога ропшалъ :
Онъ жаждой томился и шѣни алкалъ.
Въ пустынь блуждая при дня и при ночи,
И зноемъ и пылью пятчимья очи
Съ поскою безнадежной водилъ онъ вокругъ,
И кладязь подъ пальмою видишь онъ вдругъ.

И къ пальмѣ пустынной онъ бѣгъ усремиль,
И жадно холодной струей освѣжилъ
Горѣвшіе шяжко языкъ и зѣницы,
И легъ, и заснулъ онъ близъ вѣрной ослицы:
И многіе годы надъ нимъ прошекли
По волѣ Владыки небесъ и земли.

Наспаль пробуждѣнья для пупника часъ ;
Вспаешъ онъ и слышишь невѣдомый гласъ :
« Давно ли въ пусшынѣ заснулъ шы глубоко ? »
И онъ ошвѣчаетъ : ужъ солнце высоко
На ушреннемъ небѣ сіяло вчера ;
Съ ушра я глубоко проспаль до ушра.

Но голось : « о пупникъ , шы долѣ спаль ;
Взгляни : легъ шы молодъ , а спарцемъ возспаль ;
Ужъ пальма исплѣла , а кладязь холодной ,
Изсякъ и засохнулъ въ пусшынѣ безводной ,
Давно занесенный песками спешей ;
И коспи бѣлѣють ослицы швоей . »

И горемъ обяшый мгновенный спарикъ ,
Рыдая , дрожащей главою поникъ
И чудо въ пусшынѣ шогда совершилось :
Минувшее въ новой красѣ оживилось ;
Вновь зыблешся пальма шѣниспой главой ;
Вновь кладязь наполненъ прохладой и мглой .

И вѣхія кости ослицы встѣють,
И шѣломъ одѣлись, и ревъ издають;
И чувствуешь пушникъ и силу и радость;
Въ крови заиграла воскресшая младость;
Святые воспорги наполнили грудь:
И съ Богомъ онъ далѣ пускается въ пушь.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. « Нечестивые, пишеть Магомешъ (глава *Награды*), думаютъ, что коранъ есть собраніе новой лжи и старыхъ басень.» Мнѣніе сихъ *нечестивыхъ* конечно справедливо; но, не смотря на сіе, многія нравственныя истины изложены въ коранѣ сильнымъ и поэтическимъ образомъ. Здѣсь предлагается нѣсколько вольныхъ подражаній. Въ подлинникѣ Алла вездѣ говоритъ о себѣ своего имени, а о Магомешѣ упоминается только во вѣпоромъ, или прешьемъ лицѣ.
2. Въ другихъ мѣстахъ корана Алла клянется копытами кобылицъ, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродѣтелию и порокомъ, ангелами и человѣкомъ и проч. Спранный сей репорическій оборотъ встрѣчается въ коранѣ поминушно.
3. « Мой пророкъ, прибавляеть Алла, вамъ эшаго не скажеть, ибо онъ весьма учпивъ и скромень; но я не имѣю нужды съ вами чинипись.» и проч. Ревноспь Араба такъ и дышипъ въ сихъ заповѣдахъ.
4. Изъ книги *Слѣпецъ*.
5. Плохая физика; но за то какаѣ смѣлая поэзія!

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

	Стран.
1815.	I. Къ Лицинію. <i>Съ Латинскаго</i>7.
	II. Гробъ Анакреона 11.
1816.	I. Пробужденіе..... 17.
	II. Друзьямъ 19.
	III. Пѣвецъ 20.
	IV. Амуръ и Гименей..... 22.
	V. Ш * * * ву..... 26.
1817.	I. Торжештво Вакха 31.
	II. Разлука 36.
	III. П * * * ну. <i>Отрывокъ</i> 38.
	IV. Дельвигу 40.
1818.	I. Мечпашелю..... 45.
	II. Выздоровленіе 47.
	III. Прелестницѣ..... 49.
	IV. Жуковскому. <i>На изданіе книжекъ его:</i> <i>Для нелиногихъ</i> 51.
1819.	I. (Увы, зачѣмъ она блиспаешь)..... 55.
	II. Русалка. 57.
	III. Спансы Т * * * му..... 61.
	IV. Уединеніе..... 64.
	V. Домовому..... 67.
	VI. В * * * му..... 69.
	VII. Кривцову.. 73.
	VIII. N. N..... 75.
	IX. Недокончанная картина..... 77.
	X. Возрожденіе..... 78.

1820. I. (Погасло дневное свѣпило). *Подражаніе Байрону*.....83.
 II. Черная шаль. *Молдавская пѣсня*....86.
 III. Фоншану Бахчисарайскаго дворца....89.
 IV. Виноградъ.....91.
 V. (О дѣва-роза). *Подражаніе Турецкой пѣснѣ*.....92.
 VI. Доридѣ.....93.
 VII. (Рѣдѣетъ облаковъ лешучая гряда)....94.
 VIII. Нереида.....95.
 IX. Дорида.....96.
 X. Ч * * * ву. *Съ морскаго берега Тавриды*.....97.
 XI. Дочери Карагеоргія.....99.
1821. I. (Мой другъ, забышы мной слѣды)..103.
 II. Война.....105.
 III. (Я пережилъ свои желанья).....107.
 IV. (Умолкну скоро я).....108.
 V. Гробъ юноши.....109.
 VI. Къ Овидію.....112.
 VII. Наполеонъ.....118.
 VIII. Муза.....125.
 IX. Діонея.....126.
 X. Дѣва.....127.
 XI. Примѣшы.....128.
 XII. Земля и море. *Идиллія Мосха*.....129.
 XIII. Красавица передъ зеркаломъ.....131.
 XIV. Алексѣеву.....132.
 XV. К * * * ну.....135.

Стран.

- XVI. Ч * * * ву 137.
- XVII. Къ * * * 142.
1822. I. Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ 145.
- II. Адели. 151.
- III. Друзьямъ 153.
- IV. Гречанкѣ 156.
- V. (Сводъ неба мракомъ обложился) ... 158.
- VI. Барашыинскому изъ Бессарабіи..... 166.
- VII. Ему же..... 167.
- VIII. (Люблю вашу сумракъ)..... 168.
1823. I. (Проспишь ли мнѣ ревнивыя мечты) 173.
- II. Ненасытный день попухъ..... 176.
- III. Демонъ..... 178.
- IV. Телега жизни 180.
- V. Ночь 182.
1824. I. (Ты вянешь и молчишь). *Подражаніе*
А. Шенье..... 185.
- II. Прозерпина..... 187.
- III. Къ морю..... 190.
- IV. Коварность 196.
- V. Д * * * у. *На прилашеніе ѣхать съ*
нимъ морелиъ на полуденный берегъ
Крыла..... 198.
- IV. (Ночной зефиръ). *Испанскій романсѣ*. 200.

Подражанія Корану.

- I. (Клянусь чепой и нечепой) 203.
- II. (О жены чиспыя пророка)..... 205.
- III. (Смушась, нахмурился пророкъ).... 207.

Спран.

- IV. (Съ Тобою древле, о Всесильный)..210.
V. (Земля недвижна).....211.
VI. (Недаромъ вы приснились мнѣ).....213.
VII. (Возспань, боязливый).....215.
VIII. (Торгуя совѣспью).....216.
IX. (И пушникъ успалый).....217.

Лен. 1 ос.
НАУЧНО-БИБЛИОТ.
ИМ. Горького
КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

71617

80 p. 5

1916

К 1916 С 176

